

О ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКОЙ СВЯЩЕННОЙ ПОЭЗИИ.

У Евреевъ, какъ и у всѣхъ вообще народовъ, поэзія возникла ранѣе прозы, что вполне естественно: чувства ранѣе пробуждаются, нежели идеи, и потребность выразить первыя является скорѣе, нежели желаніе высказывать послѣднія. Поэтическія произведенія мы встрѣчаемъ у древнихъ Евреевъ съ тѣхъ поръ, какъ они являются въ исторіи отдѣльнымъ племенемъ, отдѣльнымъ народомъ, и самобытная, чуждая всѣхъ постороннихъ вліяній поэзія не угасала въ народѣ еврейскомъ до времени второго Иерусалимскаго храма.

Судя по тѣмъ даннымъ, которыя содержатся въ священнѣхъ ветхозавѣтныхъ книгахъ, Евреи были богато одарены поэтически. Всѣ болѣе или менѣе замѣчательныя событія въ народной жизни находили отзвукъ въ сердцахъ еврейскихъ поэтовъ, а пѣснопѣнья были на устахъ всего народа. Краткія лирическія стихотворенія увѣковѣчивали память о знаменитыхъ дѣяніяхъ отдѣльныхъ лицъ, и эти стихотворенія торжественно пѣлись въ дни народныхъ праздниковъ. Такъ воспѣта была побѣда Давида надъ Голиафомъ (1 Цар. 18, 7); такъ ежегодно въ извѣстное время было восхваляемо самопожертвованіе дочери Іефая (Суд. 11, 40). Для сохраненія въ памяти народной великихъ дѣяній слагались и обширныя поэтическія произведенія, заключающія въ себѣ подробное описаніе этихъ событій; такова пѣснь, содержащаяся въ кн. Числъ 21, 27 и дал. и особенно пѣснь, помѣщенная въ кн. Судей 5 гл. Народъ облакалъ въ стихотворную форму изреченія своей житейской мудрости и вообще все что трогало и волновало его сердце выражалъ въ поэтическихъ пѣсняхъ. Пѣсни эти сопровождали собою мирныя увеселенія; онѣ были

потребностию во время отдыха послѣ трудовъ; онѣ украшали праздничныя шествія (Иса. 5. 12; Амос. 6, 5) и служили выраженіемъ безутѣшнаго горя (2 Царст. 3, 33). Поэтическія пѣснопѣнья доставляли отраду отдѣльнымъ лицамъ и объединяли собою массы. Юноши и дѣвы Израиля соперничали между собою въ изученіи и пѣніи лучшихъ поэтическихъ произведеній; элегія Давида, составленная имъ на смерть Ионаана, была заучена сынами Іудиными (2 Царст. 1, 18); пастухи и охотники во время вечерняго отдыха около кладязей пустыни пѣли пѣсни, сопровождая ихъ музыкою (Суд. 5, 11). Но мало того: Евреи тѣсно связали музыку и пѣніе съ религіею и богослуженіемъ (2 Царст. 6, 12 и дал.; Иса. 30, 29; Іер. 31, 4 и дал. и под.); ихъ мудрецы и пророки были поэтами и облакали въ поэтическія формы свои изреченія, свои вдохновенныя проповѣди.

Многое, конечно, изъ поэтическихъ произведеній древнихъ Евреевъ утратилось безвозвратно, но, къ счастью, самое лучшее и характеристическое, то, что мы обыкновенно называемъ священной еврейскою поэзіею, сохранилось для насъ въ священныхъ книгахъ ветхозавѣтныхъ. По этимъ образцовымъ памятникамъ мы можемъ безъ особаго труда составить довольно полное представленіе о поэзиі Евреевъ, о ходѣ ея историческаго развитія, о ея отличительныхъ чертахъ *).

I.

Еврейская поэзія въ своемъ развитіи была тѣсно связана съ историческими судьбами Израильскаго народа: въ свѣтлыя времена виѣшней и внутренней жизни Израиля въ немъ съ особою силою пробуждался поэтическій духъ и его поэзія разцвѣтала; въ годы же народныхъ бѣдствій, въ темные періоды религіознаго и нравственнаго развращенія ослабѣвалъ и поэтическій духъ народа и его поэзія теряла свою оригинальность и свѣжесть, свой блескъ. Когда же сталъ приближаться къ концу тотъ историческій путь, который было суждено совершить Из-

*) См. Hävernick. Handb. d. hist.-krit. Einleit. in. J. A. T. 3 Th. S. 1 — 82.

Ewald, Die Dichter d. A. B. 1 Th., S. 1—183.

Ed. Reuss, Hebr. Poësie. Real-Encykl. 3 B., S. 598—608.

раило, какъ народу избранному, имѣвшему высокое назначеніе: то и поэзія его, поэзія самобытная и единственная въ своемъ родѣ, совершенно угасла.

1) Мы сказали, что поэтическія произведенія встрѣчаются у Евреевъ съ тѣхъ поръ, какъ они являются въ исторіи отдѣльнымъ племенемъ, отдѣльнымъ народомъ. И дѣйствительно уже въ Моусеевыхъ писаніяхъ мы находимъ нѣсколько такихъ произведеній, принадлежащихъ отдаленнѣйшему времени. Таково, наприм., обширное поэтическое произведеніе, обнимающее собою всю 49 гл. кн. Бытія и заключающее въ себѣ благословеніе Іаковомъ дѣтей своихъ. Оно обращаетъ на себя вниманіе между прочимъ съ формальной стороны и по всѣмъ признакамъ должно быть отнесено къ тѣмъ древнимъ временамъ, когда въ племени Израильскомъ только что начала пробуждаться поэтическая жизнь. Пѣснь эта по своему строенію не представляетъ еще ничего напоминающаго собою позднѣйшія строфы; она вся состоитъ изъ отдѣльных, краткихъ, сильныхъ и содержательныхъ изреченій. Такія свойства должны были облегчать сохраненіе ея путемъ преданія, какъ она, конечно, и сохранялась долгое время. Ибо и во времена болѣе позднія, когда письменное искусство было вполнѣ развито, существовалъ обычай устной передачи поэтическихъ произведеній (2 Царст. 1, 18); тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ имѣть мѣсто въ первобытное патриархальное время, отличавшееся простотою нравовъ и ученія. — Впрочемъ обширныя, въ собственномъ смыслѣ поэтическія произведенія впервые появляются между Евреями въ то время, когда теократія торжествовала праздноство своего возникновенія, именно въ періодъ Моусея. Это славное время, оставившее во внутренней жизни народа глубокіе, неизгладимые слѣды, обильное чудесными дѣлами и откровеніями Божества, было вполнѣ способно вызвать въ Евреяхъ поэтическое одушевленіе и дать ему опредѣленное направленіе. Къ этому присоединились и вышнія благопріятныя обстоятельства. Изъ 32, 6. 17 кн. Исходъ мы узнаемъ, что между Евреями глубоко укоренился обычай сопровождать празднества инструментальной музыкой и танцами. 15 гл. Исхода даетъ видѣть, что побѣдная пѣснь Моусея по переходѣ чрезъ Черное море была пропѣта попеременно мужскими и женскими хорами, причемъ послѣдніе устроили торжественное шествіе и хоровые

танцы, сопровождая ихъ игрою на тимпанахъ. Всѣ особенности этого торжества представляютъ точную аналогію съ египетскими обычаями, какъ это утверждаетъ Гегнстенбергъ, ссылаясь на ученыхъ, основательно знакомыхъ съ египетскими древностями. Но если Египтяне имѣли священные гимны, которые они воспѣвали въ честь боговъ, сопровождая пѣніе ихъ музыкою и танцами: то для народа столь возбужденнаго религіозно, столь богато одареннаго поэтически, какъ Евреи, въ этомъ заключался новый поводъ къ образованію своей собственной священной поэзіи. — И дѣйствительно, уже въ пѣсни Моисея, изложенной въ 15 гл. кн. Исходъ, мы имѣемъ такое поэтическое произведеніе, которое облечено въ форму несравненно болѣе выработанную, нежели которую имѣетъ пѣснь Іакова. Въ побѣдной пѣсни Моисея мы имѣемъ образецъ гимна, въ которомъ каждая строфа начинается хвалою Іеговъ. Эта побѣдная пѣснь, которая можетъ быть названа однимъ изъ древнѣйшихъ поэтическихъ произведеній, отличается, при всей своей простотѣ, истинною художественностью, служа такимъ образомъ неоспоримымъ доказательствомъ ранняго поэтическаго развитія въ Израилѣ. Впрочемъ рѣчь въ томъ гимнѣ кратка и отрывочна, не имѣетъ еще той мягкости, той пріятности и украшенности, которыми отличаются позднѣйшія произведенія священной поэзіи Евреевъ. — Отголоски глубокаго одушевленія, съ которымъ мы встрѣчаемся въ псалтирѣ, находятъся и въ позднѣйшихъ пѣснопѣньяхъ, принадлежащихъ временамъ судей, которыя вышнюю своею формою живо напоминаютъ побѣдную пѣснь Моисея, каковы пѣснь Деворы (Суд. 5 гл.) и молитва Анны, матери Самуиловой (1 Пар. 2, 1 — 10). Особенно въ пѣсни Деворы обнаруживается высокое искусство въ расчлененіи всего поэтическаго произведенія на строфы, расчлененіи, вполне соответствующемъ содержанію. — На ряду съ этой совершенной въ формальномъ отношеніи поэзіею въ вѣкъ Моисея существовала и, какъ кажется, была значительно распространена поэзія въ другомъ родѣ, приближавшаяся по характеру своему къ первоначальнымъ поэтическимъ образцамъ. Представители этого рода поэзіи назывались приточниками (Числ. 21, 27), мужами, произносящими изреченія. Образцомъ ихъ произведеній, состоявшихъ изъ краткихъ изреченій и отличававшихся отрывочнымъ характеромъ, могутъ служить выдержки изъ

древнихъ пѣснопѣій, помѣщенныхъ въ 21 гл. кн. Числъ. Сюда же могутъ быть отнесены и вдохновенныя поэтическія пѣсни Валаама (Числ. 23 и 24 гл.) или притчи, а также 32 и 33 гл. кн. Второзаконія, которыя стоятъ въ тѣсной связи съ 49 гл. кн. Бытія. — Въ эпоху Моисея и во времена, непосредственно слѣдовавшія за нимъ, существовали уже сборники поэтическихъ произведеній. Одинъ изъ такихъ сборниковъ упомянутъ въ 21 гл. кн. Числъ подъ названіемъ „книга браней Іеговы“. Судя по приведенному изъ него цитату (Числ. 21, 14. 15), можно думать, что онъ заключалъ въ себѣ пѣснопѣія изъ того достопамятнаго для Израильцевъ времени, когда они стояли на границахъ обѣтованной земли, въ намѣреніи овладѣть ею, и уже начали ея занятіе. Вѣроятно продолженіемъ этого сборника служила, такъ называемая, „книга праведнаго“, т. е. идеальнаго, истиннаго Израиля, названная такъ, быть можетъ, въ виду тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ Израиль представляется народомъ праведниковъ, какъ наприм. въ словахъ Валаама (Числ. 21, 10): „кто исчислить песокъ Іакова, и сочтетъ множество Израиля. Да умретъ душа моя смертію праведниковъ и да будетъ кончина моя какъ ихъ“. Эта «книга праведнаго» была, вѣроятно, чѣмъ-то въ родѣ сборника, заключавашаго въ себѣ гимны, составленные для прославленія теократическихъ героевъ — слугъ Іеговы, ознаменовавшихъ себя чѣмъ-либо особеннымъ. Сборникъ этотъ возникъ во времена Іисуса Навина, столь обильныя славными подвигами (Ис. Нав. 10, 13), но былъ продолжаемъ и въ позднѣйшія времена (2 Цар. 1, 18).

2) Но въ собственномъ смыслѣ, цвѣтущее время Еврейской поэзіи падаетъ на періодъ Давида и Соломона. Въ этотъ періодъ многія обстоятельства благотворно повліяли на возбужденіе истинно поэтической жизни. Къ нимъ прежде всего принадлежитъ сильное религіозное движеніе, которое возникло въ средѣ Израильскаго народа при Самуилѣ и благодаря его усиліямъ. Этимъ движеніемъ было положено начало поэзіи, которая, исходя изъ религіозныхъ принциповъ, впервые сдѣлалась истинно-національной, стала выразительницей особенностей теократической жизни Евреевъ. Въ народѣ, послѣ смутнаго времени Судей, снова пробудилось сознаніе теократическаго единства и назначенія, снова оживили и получили значеніе идеальныя стремленія. Вмѣстѣ съ

появленіемъ Самуила появились и такъ назыв. школы пророковъ. Хотя въ тѣхъ мѣстахъ Писанія, въ которыхъ упоминается объ этихъ школахъ, рѣчь идетъ лишь о предсказаніяхъ, сопровождавшихся музыкальною игрою (1 Царст. 10, 5; ср. 19, 20 и дал.); но трудно представить подобнаго рода предсказанія въ связи съ пѣніемъ и поэзіею. Нельзя съ ясностію доказать тѣсной связи Давида съ этими обществами пророковъ; но во всякомъ случаѣ нельзя оставить безъ вниманія его знакомства съ Самуиломъ, его вступленія въ жизнь въ періодъ дѣятельности этого пророка. Впрочемъ все то, что находимъ мы характеристическаго въ еврейской поэзіи Давидовскаго періода, прежде всего стояло въ связи съ своеобразною въ высшей степени личностію самого Давида и обуславливалось ея особенностями. Только такой богато одаренный духъ, какъ духъ Давида, только такая истинно теократическая личность, какъ онъ, могли создать цѣлую эпоху въ области поэзіи Евреевъ. На основаніи того, что извѣстно намъ о Давидѣ, онъ представляется намъ одареннымъ глубиною чувства, нѣжностію ощущеній, мягкію характера, что было обнаружено имъ между прочимъ въ сношеніяхъ съ Сауломъ и Ионафаномъ, въ отношеніяхъ къ женамъ и дѣтямъ. Въ то же время Давидъ былъ мужемъ, обладавшимъ глубокимъ благочестіемъ, мужемъ по сердцу Божию; онъ былъ великъ въ своемъ раскаяніи, въ своемъ смиреніи и вѣрѣ. Жизнь Давида была разнообразна. Сначала это была идиллическая, уединенная жизнь пастыря, покой которой ничѣмъ почти не былъ возмущаемъ; затѣмъ при Саулѣ ее смѣняютъ времена скорбей и страданій, времена, длившіяся съ небольшими перерывами, до самой смерти царя-поэта. Такая жизнь обогатила Давида опытносію. Но что заслуживаетъ особеннаго вниманія по отношенію къ Давиду, какъ поэту,—это высокое религіозное значеніе и назначеніе его лица и царствованія. Въ лицѣ Давида, какъ царя, начало осуществляться давнее чаяніе Израиля и его пламенное желаніе обѣщаннаго Богомъ царства, начали приходиться въ исполненіе благословенія, связанныя съ этимъ обѣщаннымъ царствомъ. Живо проникнутый сознаніемъ своего высокаго призванія, своего историческаго положенія въ теократіи, Давидъ, какъ поэтъ, произвелъ столь сильное воздѣйствіе на свое время, что по справедливости могъ быть названъ сладкозвучнымъ

пѣвцомъ израильскаго народа (2 Царст. 23,* 1—7).—Какъ скоро Давидъ достигъ безраздѣльнаго господства надъ всѣми израильскими колѣнами, онъ всю заботливость направилъ на то, чтобы оживить общественное богослуженіе. Въ богослуженіе онъ ввелъ пѣніе и игру на музыкальныхъ инструментахъ. Образованіемъ хора пѣвцовъ, во главѣ котораго были поставлены пѣвцы-поэты Асафъ, Эманъ и Иднѹмъ съ ихъ сыновьями, Давидъ навсегда упрочилъ за священною лирикою благотворное вліяніе на религиозную жизнь народа. Священная музыка, введенная въ употребленіе хоромъ пѣвцовъ, не только глубоко запечатлѣвала въ сердцахъ благочестивыхъ израильтянъ псалмы Давида, но и одушевляла многихъ изъ наиболѣе талантливыхъ пѣвцовъ, каковыми между прочимъ были Асафъ и нѣкоторые изъ сыновъ Кореевыхъ, къ составленію своихъ собственныхъ пѣснопѣній, въ которыхъ они, слѣдуя примѣру своего царственнаго предшественника, воспѣвали хвалы Іеговѣ. Такимъ образомъ Давидъ, съ одной стороны какъ истинный теократическій царь, съ другой — какъ человекъ богато одаренный поэтически, довелъ еврейскую поэзію до высокой степени совершенства, создалъ для нея цвѣтущую эпоху, принесшую обильные и многоцѣнные плоды.—Поэтическія дарованія Давида были унаслѣдованы его сыномъ и преемникомъ на престолѣ. Соломонъ составилъ три тысячи изреченій и число его пѣсеней равнялось тысячи и пяти (или пяти тысячамъ по греческому и славянскому переводу) 3 Царст. 5, 12. Значительнымъ количествомъ изреченій этого мудраго царя мы владѣемъ въ книгѣ «Притчей Соломона;» но изъ его пѣсеней, за исключеніемъ книги «Пѣснь пѣсеней,» до насъ дошли только два псалма, внесенные въ канонъ, именно псалмы 71 и 126. Такимъ образомъ, Соломонъ количествомъ поэтическихъ произведеній превзошелъ отца своего; но по содержанію поэзія Соломона не превосходитъ Давидовской и только въ лучшихъ своихъ мѣстахъ достигаетъ совершенства, которымъ отличаются поэтическія созданія Давида. Какъ блескъ и богатство мирлаго царствованія Соломона были слѣдствіемъ борьбы и побѣдъ Давидовыхъ, такъ и поэзія Соломонова времени была лишь дальнѣйшимъ развитіемъ того, что было насаждено и отчасти воспитано царемъ-псалмопѣвцемъ. О такомъ отношеніи свидѣтельствуетъ уже то, что Соломоновская поэзія запечатана характеромъ спокойствія и объективности, на

сколько, конечно, это возможно для еврейской поэзии вообще; между тѣмъ поэзія Давида есть выраженіе глубокихъ и пламенныхъ субъективныхъ ощущеній. Счастіе мира, которымъ теократія, послѣ продолжительной и тяжелой борьбы, наслаждалась при Соломонѣ, ясно отражается какъ въ Соломоновыхъ исалмахъ, такъ и въ «Пѣсни пѣсней» Указаннымъ отношеніемъ Соломоновской поэзіи къ поэзіи времени Давида обусловилось и то, что поэзія при Соломонѣ расширила свои границы, оразнообразилась и кромѣ того облеклась въ болѣе совершенныя и выработанныя формы, что особенно характеризуетъ времена Соломона. Гномическая поэзія, которая въ краткихъ гномическихъ изреченіяхъ излагаетъ глубокую божественную и человѣческую мудрость, была такъ усовершенствована Соломономъ, что его притчи затмили всѣ предшествовавшія посылки въ этомъ родѣ, вслѣдствіе чего на него можно смотрѣть, какъ на творца этой поэзіи въ народѣ еврейскомъ. Кромѣ того Соломоново время въ книгѣ Іова представляетъ дидактическое произведеніе, совершеннѣйшее по содержанію и формѣ, запечатлѣнное возвышеннымъ поэтическимъ духомъ. Словомъ, поэзія въ это время расширилась, отыскала новые пути во всѣхъ направленіяхъ, для нея доступныхъ. Время Соломона есть время полного образованія и самаго широкаго развитія поэзіи евреевъ; въ это время она обнаруживаетъ все, на что была способна, сосредоточиваетъ всѣ свои дотолѣ разсѣяныя силы. И это должно быть признано новою и характеристическою чертою поэзіи времени Соломона. Такимъ образомъ, время Моисея есть безспорно блестящій пунктъ въ исторіи Израіля; но время Давида и Соломона превосходитъ его своимъ блескомъ; это послѣднее получаетъ во владѣніе то, что Моисей только издали созерцалъ, находясь на вершинѣ горы Нево, но чего не могъ достигнуть; оно удостоилось тѣхъ благословеній, которыхъ былъ лишенъ въ пустынѣ безбожный и неспособный къ раскаянію народъ. Поэтому періодъ Давида и Соломона есть самый обильный созданіями священной поэзіи, и полнота глубоко-религіозной жизни этого времени всего лучше можетъ быть познана по тѣмъ плодамъ, которые эта поэзія возростила.

3) Не продолжительно однакоже было цвѣтущее время поэзіи Евреевъ. Соломонъ, которому поэзія его народа обязана полнымъ развитіемъ, не ходилъ путями Іеговы во всю свою жизнь. Блескъ

и слава его царскаго двора мало по-малу удалили его сердце отъ заповѣдей и повелѣній Іеговы, такъ что въ старости онъ впалъ въ открытое идолопоклонство. Находясь въ такомъ религіозномъ настроеніи, онъ не могъ конечно воспѣвать пѣсней во славу Іеговы. И народъ, вслѣдъ за своимъ царемъ, впалъ въ религіозное равнодушіе и безразличіе, склонился на сторону боговъ чуждыхъ. Вызванное Самуиломъ и энергически поддержанное Давидомъ оживленіе теократическаго духа все болѣе и болѣе ослабѣвало и смѣнявшее его отчужденіе отъ жизни по Богѣ Израилевѣ сказалось вскорѣ по смерти Соломона съ одной стороны въ отдѣленіи десяти колѣвъ отъ національной святыни и отъ избраннаго Богомъ царскаго рода, съ другой—въ идолопоклонствѣ, которое съ необычайною быстротою распространилось въ царствѣ Іудиномъ и до конца этого царства продолжало существовать въ немъ, не смотря на всѣ усилія нѣкоторыхъ благочестивыхъ царей истребить его. Такимъ образомъ ни въ Израильскомъ царствѣ, которое до самой гибели своей ходило путями Іеровоама, ни въ царствѣ Іудиномъ, которое постоянно было раздраемо борьбой идолослуженія съ служеніемъ Іеговѣ, не могла процвѣтать священная поэзія. Правда, по раздѣленіи царства, возвышались иногда голоса отдѣльныхъ благочестивыхъ пѣвцовъ во времена религіозныхъ, болѣе или менѣе сильныхъ возбужденій, въ дни возвращенія народа къ Іеговѣ, Богу своему. Но главнымъ-то образомъ всѣ силы теократическаго духа сосредоточивались въ это печальное время въ увѣщательныхъ, или же грозныхъ рѣчахъ пророковъ, которые были посылаемы съ тѣмъ, чтобы обратить отступившій отъ Іеговы народъ къ покаянію, возстановить и поддержать религіозную жизнь теократіи, потрясенную отступничествомъ и идолопоклонствомъ. Изъ періода времени отъ Соломона до разрушенія царства Іудина до насъ дошли, кромѣ нѣсколькихъ псалмовъ съ именемъ Асафа и сыновъ Кореевыхъ, благодарственныя пѣсноп пророка Іоны (Іон. 2 гл.) и царя Езекіи (Ис. 38, 10 и дал.), а также нѣкоторыя пѣсноп пророка Исаи, соединенныя съ предсказаніями (Ис. 1, 2, 26 и т. д.); къ пророческимъ пѣснямъ можно отнести и гимнъ пр. Аввакума (3 гл.).—Впрочемъ чѣмъ быстрѣе царство Іудинъ шло къ своей гибели, чѣмъ настойчивѣе развращенная масса народа призывала на себя судъ отверженія отъ лица Іеговы: тѣмъ сильнѣе

звучалъ голосъ пророковъ, возвѣщая бѣдствія и гибель безбож-
нымъ, миръ и радость благочестивымъ, и тѣмъ самымъ возбуждалъ
и одушевлялъ благочестивыхъ пѣвцовъ къ составленію новыхъ
хвалебныхъ пѣсней въ честь Іеговы, такъ что еще до оконча-
тельнаго наступленія халдейской катастрофы лирическая поэзія
нѣсколько оживилась, хотя и не въ состояніи уже была дости-
гнуть высоты и силы поэзіи Давидовскаго періода. Ибо если нѣ-
которые псалмопѣвцы того времени, подкрѣпляемые пророчества-
ми Исаи, изложенными въ послѣдней части его книги, и возвы-
шались до непоколебимаго и радостнаго упованія на всемогуще-
ство и вѣрность Іеговы, тѣмъ не менѣе почти всѣ пѣснопѣнія
изъ періода Вавилонскаго опустошенія и плѣненія проникаетъ
глубокая скорбь о томъ, что Іегова какъ-бы совершенно оставилъ
свой народъ, скорбь, которая, сокрушая сердце пѣвцовъ, ослаб-
ляетъ смѣлый полетъ ихъ мысли. Скорбныя, проникнутыя чув-
ствомъ виновности, жалобы на великое несчастье, постигшее стра-
ну и народъ, смиренное признаніе въ страданіяхъ справедливой
и вполнѣ заслуженной кары, исполненыя глубокой грусти вос-
поминанія о прежнихъ проявленіяхъ божественной благодати, за-
тѣмъ пламенныя, обращенныя къ милосердію Іеговы просьбы о
избавленіи отъ скорбей и возстановленіи погибшей славы Сіона—
вотъ главное содержаніе пѣснопѣній названнаго періода. Съ край-
нею глубиною и поразительностію выражается великая скорбь
Израиля о его удаленіи изъ обѣтованной земли, о разсѣяніи ме-
жду язычниками, о разрушеніи святаго города въ плачѣ Іереміи.
Впрочемъ въ плачѣ и пѣснопѣніяхъ ему подобныхъ поэзія
отличается еще большею самостоятельностью и оригинальностью,
нежели во многихъ пѣсняхъ храма, составленныхъ по возвраще-
ніи Іудеевъ изъ плѣна. Ревность народа по Богъ отецъ и по
святилищѣ, которая обнаружилась въ немъ по возвращеніи въ
святую землю и при постройкѣ новаго храма, во вѣншей жизни
сказалась рѣшительною оппозиціею ко всему языческому, во вну-
трянней—глубокою привязанностію къ писаніямъ древнихъ вре-
менъ, дарованнымъ Духомъ Божіимъ. Вслѣдствіе этого послѣд-
няго обстоятельства лишь немногія пѣсни, составленныя по воз-
вращеніи изъ плѣна, отличаются силою и оригинальностью мыслей,
самобытною формою; остальные же изъ этихъ пѣснопѣній рабски
придерживаются древнихъ поэтическихъ образцовъ, подражаютъ

пмъ, заимствуютъ изъ нихъ мысли, и, въ большинствѣ случаевъ, отличаются мертвеннымъ, эклектическимъ характеромъ. Такимъ образомъ съ прекращеніемъ пророчества, въ лицѣ послѣдняго пророка Малахія, смолкла и поэзія евреевъ; съ возведеніемъ стѣнъ города, евреи перестали слагать пѣсни во славу Іеговы: какъ пророчество, такъ и священная поэзія совершили свой путь.

Впрочемъ нѣкоторые ученые хотѣтъ видѣть во времени Маккавеевъ время новаго пробужденія теократической жизни, время, въ которое снова должна была оживиться священная поэзія евреевъ 1). «Время борьбы за свободу и религію,—говоритъ Гитцигъ— было само по себѣ временемъ поэтическимъ; и теперь въ средѣ народа, одушевленнаго мыслью о Богѣ отцевъ, воспламененнаго геройскими подвигами, должна была снова ожить, хотя предъ симъ и угасшая, священная поэзія евреевъ; вмѣстѣ съ дѣломъ должно было появиться одушевленное и одушевляющее слово.» «Но — какъ замѣчаетъ Генгстенбергъ—хотя Маккавеевы и были хорошими воинами, были ревнителями по законѣ отеческомъ; при всемъ томъ они не были мужами, исполненными Духа Святаго; ни одной вдохновенной личности мы не встрѣчаемъ въ то время.» — Для новаго оживленія священной поэзіи потребно было и новое содѣйствіе Духа Божія, чего однакожъ не доставало въ вѣкъ Маккавеевъ. И въ этотъ вѣкъ сами Евреи живо сознавали, что они какъ-бы оставлены тѣмъ Духомъ, который нѣкогда одушевлялъ древнихъ поэтовъ и пророковъ. Это видно между прочимъ изъ слѣдующаго обстоятельства. Когда при Іудѣ Маккавеевѣ Евреи стали очищать храмъ, оскверненный язычниками, то нашли, что оскверненъ и жертвенникъ всесоженія. Не зная, какъ поступить съ нимъ, они положили на совѣтъ разобрать жертвенникъ, сложить его камни на горѣ храма на приличномъ мѣстѣ и ждать «дождеже придетъ пророкъ отвѣщати о нихъ» (1 Макк. 4, 43—46). На одушевленные и одушевляющія слова, предполагаемыя Гитцигомъ, мы не находимъ ни малѣйшаго намека въ 1-й Макк. книгѣ, хотя она и описываетъ со всею подробностію подвиги Маккавеевъ. Всѣ рѣчи и молитвы героевъ-Маккавеевъ, приве-

1) Такими: Рудингеръ, Бенгель, Бертольдъ, Павлусъ, Гитцигъ и др. Гитцигъ старается доказать, что свящ. поэзія Евреевъ действительно оживилась во времена Маккавейскія и относится къ этимъ позднимъ временамъ всѣмъ исламъ, начиная съ 72-го.

денныя въ этой книгѣ, заимствованы изъ древнихъ писаній; въ нихъ нѣтъ ничего такого, что свидѣтельствовало бы объ оживленіи священной поэзіи. Да не могло и быть такого оживленія; тогдашнее состояніе народа не могло благоприятствовать тому. Народъ раздѣлился; часть его отпала отъ вѣрныхъ отцевъ, погрязла въ мерзостяхъ языческихъ и приняла сторону враговъ своего племени (ср. 1 Макк. 1, 11—13; 6, 21 и дал.; 7, 5 и дал.; 9, 23 и дал.; 10, 61); вѣрные же Іеговъ и отеческому закону Маккавеевъ держались болѣе буквы религіи, боролись болѣе за политическую свободу, но не были проникнуты животворящимъ духомъ откровенія.

II.

Еврейская поэзія, какъ и вся вообще древняя священная литература евреевъ, отличается характеромъ самобытности по своему возникновенію и образованію; безъ всякаго посторонняго вліянія протекла она всѣ стадіи своего развитія, пережила всѣ измѣненія; измѣненія эти обусловливались лишь ей самой присущими силами.

Будучи самобытною, древне-еврейская священная поэзія, хотя и не столь богатая и разнообразная, какъ поэзія индійцевъ и грековъ, запечатлѣна рѣдко гдѣ встрѣчающеюся простотою и тою возвышенною естественностію, которая мало еще знакома съ искусствомъ, или точнѣе съ искусственностію. Сравниваемая съ поэзіею другихъ древнихъ народовъ, она является созданіемъ простыхъ юныхъ періодовъ человѣчества; она дышитъ полнотою ихъ жизненныхъ силъ, ихъ предестію, мало заботится о виѣшнемъ украшеніи, о соблюденіи утонченныхъ законовъ искусства.

Еврейская поэзія, разсматриваемая независимо отъ ея содержанія, имѣетъ слѣдующія характеризующія ее особенности. Еврейская поэзія 1) въ высшей степени субъективна; въ ней повсюду на первый планъ выступаетъ личность поэта, его ощущенія, желанія, воззрѣнія; для поэта еврейскаго ничто, виѣ его находящееся, не имѣетъ само по себѣ особеннаго значенія; его не интересуетъ жизнь людей и природы, если эта жизнь не сопрягается непосредственно съ его внутреннимъ міромъ. Потому-то у евреевъ мы не встрѣчаемъ ни эпоса, ни драмы въ полномъ ихъ развитіи; ибо эти роды поэзіи неизрѣдимо требуютъ, чтобы въ произведеніяхъ, къ нимъ относящихся, личность поэта.

отступала на задній планъ, ступшевыалась, чтобы поэтъ былъ въ состояніи—поставить себя на мѣсто другой, совершенно несходной съ нимъ личности, не видоизмѣняя и не ослабляя при этомъ ся отличительныхъ характеристическихъ чертъ. Еврейская поэзія 2) сентенціозна; т. е. мысли, заключающіяся въ ся произведеніяхъ, въ большинствѣ случаевъ соединены между собою лишь вышнимъ образомъ, такъ что имъ можно дать не рѣдко совершенно иной порядокъ, уменьшить, или увеличить ихъ количество и при этомъ не нанести никакого ущерба цѣлому произведенію, состоящему изъ этихъ мыслей. Органическое расчлененіе, послѣдовательное развитіе мысли, тирады—явленіе частое въ поэзіи Евреевъ; каждый еврейскій стихъ, каждый членъ стиха составляютъ по большей части нѣчто цѣлое, вполне законченное и не рѣдко отдѣльный стихъ можно поставить на мѣсто предшествующаго, или послѣдующаго, не нарушивъ смысла и впечатлѣнія цѣлага произведенія. Еврейская поэзія 3) отличается обиліемъ образовъ, при чемъ имѣютъ мѣсто не одни сравненія, но также, и притомъ по преимуществу, метафоры, въ которыхъ образы ставятся на мѣсто изображаемыхъ предметовъ, что иногда дѣлаетъ изображеніе этихъ предметовъ аллегорическимъ. И такъ какъ народъ еврейскій жилъ въ тѣсной связи съ природою, то въ его поэзіи мы встрѣчаемъ такіе образы, отъ которыхъ утонченный литературный вкусъ обыкновенно отвращается, или которыми онъ пользуется съ разборчивостью; таковы напр. образы изъ міра животныхъ. Въ связи съ обиліемъ образовъ въ еврейской поэзіи стоитъ наклонность къ олицетвореніямъ отвлеченныхъ идей, къ усвоенію неодушевленнымъ предметамъ словъ, мыслей, ощущеній. Отсюда-то между прочимъ такое обиліе антропоморфизмовъ въ произведеніяхъ еврейской поэзіи.

Впрочемъ субъективность, сентенціозность, образность,—такія черты, которыя мы можемъ встрѣтить въ поэтическихъ произведеніяхъ и другихъ древнихъ, особенно же семитическихъ народовъ. Но созданія еврейской поэзіи имѣютъ и другія черты, свойственныя имъ однимъ, черты, которыя дѣлаютъ ихъ единственными въ своемъ родѣ и которыя обуславливаются особеннымъ значеніемъ еврейскаго народа во всемірной исторіи.

Особенное значеніе еврейскаго народа во всемірной исторіи состоитъ въ томъ, что сферою его дѣятельности была по преи-

муществу сфера религіозная. Религія была основою Еврейскаго государства, душею народной жизни. Предоставленный самому себѣ, развиваясь естественнымъ путемъ, израильскій народъ отличался слабостями, входилъ въ заблужденія сообразно съ своими отличительными народными свойствами; но эти свойства, подъ непосредственнымъ водительствомъ Божественнымъ, подъ вліяніемъ духа религіи ветхозавѣтной, видоизмѣнялись, переходили въ высокія добродѣтели, и, переходя въ нихъ, становились источникомъ замѣчательныхъ нравственныхъ явленій. Такъ чувственность и склонность къ плотскимъ удовольствіямъ, общія Евреямъ со всѣми народами Востока, благодаря воздѣйствію религіи, переходили въ духовность и нѣжность ощущеній, смѣнялись возвышенными религіозными стремленіями.

На ряду съ грубостью чувствъ и упорствомъ въ Израилѣ являлась непоколебимая вѣрность Богу и пламенная ревность по законѣ. Робость и малодушіе, рабскій духъ, озаренный религіознымъ свѣтомъ, преобразовывались въ Израилѣ въ такое духовное настроеніе, которое было чуждо всей древности, — именно преобразовывались въ чувство смиренія передъ Божествомъ, въ чувство сердечнаго сокрушенія, въ пламенное желаніе приблизиться къ Іеговѣ, своему царю и Господу, безусловно покориться его всеблагой волѣ. Всѣ душевныя способности Еврея достигали правильнаго развитія лишь при посредствѣ религіи, вся его духовная дѣятельность сосредоточивалась и раскрывалась во всей полнотѣ только въ сферѣ религіозной.

На почвѣ же религіозной возникла и поэзія Евреевъ; подъ религіозными вліяніями она пышно разцвѣла и развилась. Правда, въ сферѣ искусства еврейскимъ народомъ, сравнительно говоря, было сдѣлано очень немногое, такъ что на этомъ основаніи ему не рѣдко отказывали вообще въ художественныхъ способностяхъ; но это зависѣло отъ того, что богато одаренному духу Евреевъ дано было извѣстное направленіе, сообщенъ рѣзко опредѣленный характеръ, который съ удивительною устойчивостью былъ сохраняемъ въ продолженіи многихъ вѣковъ. Для Евреевъ религія не была лишь первоначальнымъ возбужденіемъ художественныхъ силъ, не послужила для этихъ силъ только первоначальнымъ толчкомъ, послѣ котораго они могли бы самостоятельно, всесторонне развиваться, какъ это было у другихъ народовъ;

нѣтъ, религія Израильскаго народа, вслѣдствіе своего особеннаго содержанія, наложила особенную печать на его художественныя стремленія, дала имъ опредѣленное направленіе. Законъ, этотъ основной принципъ религіи Израіля, не могъ, по своему внутреннему существу, мириться со всякимъ свободнымъ проявленіемъ художественныхъ стремленій человѣка. При своей рѣшительной оппозиціи ко всему языческому, онъ необходимо долженъ былъ все, что могло служить сближеніемъ съ натуральными культами, устранять и воспрещать какъ опасную попытку привлечь къ этимъ культамъ. Требуя отъ своихъ послѣдователей безусловной преданности Богу, жизни по заповѣдямъ и откровеніямъ божественнымъ, законъ съ своимъ чисто нравственнымъ содержаніемъ производилъ сильное и глубокое впечатлѣніе на духъ, приковывалъ его къ себѣ, производилъ въ немъ соотвѣтствующее себѣ настроеніе и вызывалъ въ теократѣ высокіе духовные идеалы, которые могли быть осуществлены также въ формѣ ему соотвѣтственной. Поэтому выраженіемъ жизни духа, почивающаго на законѣ, въ минуты его особеннаго одушевленія могла прежде всего служить религіозная поэзія, какъ форма, наиболѣе отвѣчающая его общему настроенію. Сообразно съ этимъ, еврейская поэзія была въ существѣ своемъ евященною; она порождена и воспитана религіей. Въ ней отражается духовная жизнь какъ цѣлаго народа, такъ и отдѣльной теократической личности, въ ней высказываются глубочайшія ощущенія и возвышеннѣйшія мысли Израіля.

Исторія древнихъ народовъ, особенно Индійцевъ и Персовъ, показываетъ, что и у нихъ, какъ у Евреевъ, первоначально существовало тѣсное соединеніе религіи и поэзіи, но та же самая исторія даетъ намъ видѣть, что поэтическое искусство этихъ народовъ очень рано утратило свой первоначальный религіозный характеръ, сдѣлалось вѣннимъ, мірскимъ, сохранивъ лишь едва замѣтные слѣды своего, когда-то весьма близкаго отношенія къ сферѣ религіозной. Такъ было наир. у древнихъ Арабовъ до времени Магомета, такъ было у Грековъ, о чемъ свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ нѣкоторые остатки древнѣйшей греческой поэзіи. Мало того, съ теченіемъ времени отношеніе между религіей и поэзіей сдѣлалось у народовъ древности отношеніемъ враждебнымъ: такъ извѣстно, что жрицы Эллиновъ были издавна

врагами эллических поэтовъ. У Евреевъ дѣло не доходило никогда до чего-либо подобнаго. Поэзія этого народа постоянно, неуклонно держалась религіозной почвы. Священная поэзія Евреевъ является силою, которая съ рѣшительностію устраняетъ изъ своей сферы все несогласное съ религіею, все фальшивое и извращенное; вслѣдствіе этого она, не смотря на свое многостороннее развитіе, занимаетъ исключительное положеніе въ области поэзіи вообще. Поэзія свѣтская въ собственномъ смыслѣ никогда не возникла въ средѣ Израиля, да и не могла возникнуть и развиться, ибо древне-еврейская поэзія встрѣтилась съ тѣми возвышенными мыслями, которыя нигдѣ въ древнемъ мірѣ не являлись въ такой чистотѣ и силѣ, и не существовали столь продолжительное время, какъ въ обществѣ Израильскомъ. Но гдѣ имѣютъ мѣсто стремленія къ высшему, гдѣ существуютъ чистѣйшія религіозныя истины, и въ продолженіи вѣковъ приводятъ въ движеніе цѣлый народъ, тамъ истины эти необходимо возбуждаютъ и поэтовъ, и обильнымъ потокомъ изольются съ ихъ вдохновенныхъ устъ. И такъ какъ всѣ лучшія, благороднѣйшія силы Израильскаго народа были главнымъ образомъ направлены къ одной цѣли, а именно къ тому, чтобы отстоять противъ язычества истинное Богопочтеніе, истинную религію: то и его поэзія могла развиться во всей полнотѣ лишь въ одномъ этомъ возвышенномъ направленіи и только держась его раскрыть всѣ свои силы. И потому поэзія Евреевъ оставалась всегда по своему содержанію истолковательницею возвышенныхъ религіозныхъ мыслей, по своей формѣ, обусловленной возвышенностью содержанія, формѣ удивительно простой и безыскусственной, единственною въ своемъ родѣ, отчасти неподражаемою. И въ этомъ важное, непреходящее достоинство Еврейской поэзіи. Она на всѣ времена останется главнымъ средствомъ къ уясненію той религіи, истинами которой дышитъ. Правда, поэзія Евреевъ уступаетъ пророчеству, но сколько это послѣднее служитъ могущественнымъ возбудителемъ религіозной жизни, громко возвѣщая основныя истины религіи; но и поэзія имѣетъ свои преимущества. Несомнѣнно, что пророчества привлекали вниманіе къ возвѣщаемымъ ими религіознымъ истинамъ; но проникли ли они въ жизнь народа—засвидѣтельствовать объ этомъ проникновеніи и способствовать ему можетъ только поэзія. Можетъ засвидѣтельствовать: ибо она есть

изліяніе сокровеннѣйшихъ чувствъ; можетъ способствовать: ибо по своей сердечности и безпритязательности, она легче воспринимается и скорѣе уразумѣвается, нежели пророчество съ его возвышенностію и строгостію.

Н. Е.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКОЙ СВЯЩЕННОЙ ПОЭЗИИ.

III.

Своеобразному, исключительно религіозному содержанію еврейской поэзіи вполне соотвѣтствуетъ ея своеобразная, оригинальная форма. Поэзія вообще требуетъ опредѣленной формы; но форма эта можетъ быть очень разнообразна, смотря по характеру народа, создающаго поэзію, и по характеру самой поэзіи. Еврейскій народъ предназначенный быть носителемъ божественнаго откровенія, призванный къ раскрытію и осуществленію въ жизни откровенныхъ истинъ, довольствовался въ своей поэзіи очень простыми, говоря вообще, формами; и это не потому, чтобы еврейскій языкъ, по своимъ свойствамъ, не благопріятствовалъ выработкѣ совершеннѣйшихъ формъ, но потому, что для еврейскаго поэта форма по отношенію къ содержанію имѣла

второстепенное значеніе, такъ — какъ полнота и возвышенность мыслей, бывшихъ предметомъ его поэтическихъ произведеній, брала перевѣсъ надъ стремленіемъ къ красотѣ изложенія.

Особенности еврейской поэзіи съ формальной стороны обнаруживаются въ ея языкѣ, отличномъ отъ языка прозы, въ ритмическомъ, своеобразномъ построеніи стиха, въ строеніи строфъ и въ такъ назыв. алфавитныхъ пѣсеняхъ.

1) Прозаическій языкъ Евреевъ доведенъ до извѣстной, вполне опредѣленной мѣры: его формы сокращены, употребленіе въ немъ словъ ограничено необходимостію, строеніе предложений просто и спокойно. И эта опредѣленная мѣра языка, выработанная потребностями обыкновенной жизни, является въ прозаическихъ сочиненіяхъ Евреевъ общепринятою, устоявшеюся, неподвижною. Напротивъ языкъ поэтической не связанъ ни тою опредѣленною мѣрой, которая дѣлаетъ скуднымъ прозаическій языкъ, ни общепринятыми, неподвижными формами обыденной рѣчи: языкъ еврейской поэзіи живѣе, подвижнѣе, богаче, чѣмъ языкъ прозы; онъ болѣе возвышенъ и благозвученъ, ему присуща сила обновлять и оживлять себя. Всѣ эти свойства поэтическаго языка Евреевъ вполне естественны, и онъ не могъ не имѣть ихъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на тѣ источники, изъ которыхъ, какъ изъ тайныхъ сокровищницъ, языкъ еврейской поэзіи черпалъ какъ свои силы, такъ и свой матеріалъ.

а) Очень многое, свойственное поэтическому языку Евреевъ, несомнѣнно принадлежитъ самымъ раннимъ временамъ существованія еврейской рѣчи и сохранилось въ немъ путемъ поэтическаго преданія. Многія древнія слова, не встрѣчающіяся въ прозѣ, остались въ употребленіи у поэтовъ и значительное количество полныхъ и благозвучныхъ формъ можно найти лишь въ стихахъ. Этотъ первобытный матеріалъ поэтическаго языка Евреевъ въ большей своей части состоитъ изъ словъ и формъ арамейскаго нарѣчія, какъ наиболѣе распространенной и наиболѣе древней вѣтви кореннаго семитическаго языка; остальная же его часть должна быть непосредственно отнесена къ этому общему корню всѣхъ семитическихъ нарѣчій.

б) Но извѣстно, что истинный поэтъ не довольствуется сохраненіемъ древнихъ сокровищъ языка: онъ въ полномъ смыслѣ

властелинъ и языка ему современнаго; его самобытныя творческія мысли въ состояніи создать новыя соотвѣтствующія имъ внѣшнія формы. Правда, время образованія корней языка всегда далеко отъ времени великихъ поэтовъ; первыя основы языка служатъ для нихъ уже готовымъ матеріаломъ. Но опираясь на этотъ основной матеріалъ, поэтъ въ силахъ образовывать новыя реченія, соотвѣтственно одушевляющимъ его мыслямъ, создавать новыя формы, давать художественное построеніе выраженіямъ и, вступая въ область слова съ силами творческими, способствовать образованію и совершенствованію языка своего времени. И съ подобнымъ творчествомъ поэтовъ мы встрѣчаемся во многихъ произведеніяхъ еврейской поэзіи: смѣлыя построенія предложений, оригинальныя сочетанія словъ, сжатая, но богатая содержаніемъ, рѣчь даютъ ясное свидѣтельство о томъ, что еврейскіе поэты пользовались своими творческими силами и талантами для оживленія и усовершенствованія своего поэтическаго языка.

в) Затѣмъ, будучи властелиномъ и творцемъ въ области современнаго ему языка, истинный поэтъ говоритъ и сообразно съ тѣмъ временемъ и съ тѣмъ мѣстомъ, съ которыми прежде всего связаны его самыя дорогія и самыя сильныя ощущенія; языкъ поэта, при всемъ достоинствѣ и при всей возвышенности, есть въ то же время языкъ его родины, запечатлѣнный всеми мѣстными особенностями, ибо языкъ этотъ непосредственно изливается изъ глубины поэтической души. Посему-то поэтъ свободнѣе и легче можетъ внести въ свою рѣчь все своеобразныя отбѣнки, которыми отличается языкъ его ближайшаго отечества и его времени и между тѣмъ какъ проза съ трудомъ измѣняетъ однажды установленныя формы, языкъ поэтической постоянно обогащается и обновляется, воспринимая въ себя діалектическія особенности и пользуясь матеріаломъ, доставляемымъ народнымъ языкомъ, всегда наиболѣе разнообразнымъ по той причинѣ, что живой народный говоръ, хотя и незамѣтно, но постоянно измѣняется и развивается въ противоположность съ книжною прозою, которая твердо держится извѣстныхъ, устоявшихся образцовъ. Поэзія еврейская, какъ поэзія наиболѣе безыскусственная, всего легче могла воспринять въ себя мѣстныя и временныя особенности языка. И дѣйствительно, діалектическія различія языка сильно воздѣйствовали на нее, обогащая ее и обновляя. Дока

зательствомъ этого можетъ служить между прочимъ пѣснь Доворы (Суд. 5), возникшая въ сѣверныхъ областяхъ Палестины; въ этой пѣсни не мало словъ и формъ, напоминающихъ арамейское нарѣчіе, къ которому былъ близокъ народный говоръ сѣверной Палестины.

Такимъ образомъ обиліе, живость, подвижность, благозвучіе, возвышенность и способность обновляться вполне естественны въ поэтическомъ языкѣ Евреевъ и не могли не быть въ немъ. И по отношенію къ этимъ свойствамъ языкъ еврейской поэзіи является, въ большинствѣ случаевъ, вполне оригинальнымъ.

2. Но всѣ свойства поэтическаго языка Евреевъ, отличающіи его отъ языка прозы, получаютъ значеніе лишь тогда, когда разнообразный матеріалъ, доставляемый этимъ языкомъ для выраженія чувствъ, представленій и мыслей впервые гармонически объединяется въ связной поэтической рѣчи.

Рѣчь, т. е. теченіе и взаимная связь словъ въ предложеніяхъ, вполне обуславливается въ языкѣ прозаическомъ требованіями обстоятельствъ: рѣчь въ прозѣ является то очень краткою, то растянутою, не соблюдаетъ пропорціональности или соразмѣрности и подчиняется лишь общимъ законамъ удобопонятности и благозвучія. Но рѣчь поэтическая не можетъ, подобно рѣчи обыденной, ограничиваться въ своемъ теченіи лишь необходимымъ и довольствоваться соблюденіемъ общихъ законовъ всякой человѣческой рѣчи вообще: она съ одной стороны слишкомъ жива и обильна, а съ другой—вполнѣ подчинена въ своемъ обиліи и въ своей живости законамъ соразмѣрности. — Поелику первое и самое жизненное обнаруженіе поэзіи есть внутренняя полнота мыслей: то эта внутренняя полнота и вовнѣ не можетъ сполна выразиться въ скудной, скоро исчерпывающейся рѣчи. Обиліе словъ и образовъ, стремительность рѣчи, ея теченіе, которое на первый разъ кажется неудержимымъ—вотъ ближайшее обнаруженіе рѣчи поэтической. Но рѣчь, которая осталась бы при своемъ первоначальномъ и стремительномъ теченіи, ничѣмъ неограниченномъ и несдержаннымъ, разрушила бы этимъ самымъ свою собственную красоту, свою жизненность. И потому, чѣмъ живѣе и стремительнѣе движеніе рѣчи, тѣмъ необходимѣе сдерживать и ограничивать его, умѣрять и успокаивать, что обыкновенно и наблюдается всякимъ истиннымъ поэтомъ. И если правильное

отношеніе между стремительнымъ теченіемъ рѣчи и его ограниченіемъ само по себѣ соразмѣрно и прекрасно: то, повторяясь, оно выигрываетъ въ красотѣ и ясности, поелику оживленное движеніе рѣчи и ея успокоеніе постоянно въ такомъ случаѣ слѣдуютъ одно за другимъ равномѣрно, обуславливая и поддерживая себя взаимно. И это-то равномѣрное, такъ сказать, дыханіе поэзіи, это возвышеніе и соотвѣтствующее ему пониженіе, это поступательное движеніе въ соразмѣрной рѣчи, соединяющей въ себѣ возбужденіе и успокоеніе и примиряющей ихъ, и составляетъ *ритмъ*, или приведенное въ порядокъ, прекрасное теченіе рѣчи.

Повышеніе и пониженіе необходимо само по себѣ, поелику повышение не можетъ долго продолжаться и усиливаться не ослабѣвая; а потому и въ прозѣ также нѣтъ недостатка въ смѣнѣ повышенія и пониженія. Но поэзія въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ прозы. Различіе это состоитъ въ томъ, что поэзія не предоставляетъ случаю повышенія и пониженія, подобно рѣчи прозаической. Эта послѣдняя въ извѣстномъ своемъ отдѣленіи повышаетъ и понижаетъ извѣстное количество речей, какъ того требуетъ обыкновенный смыслъ словъ; въ слѣдующемъ затѣмъ отдѣленіи количество словъ при повышеніи и пониженіи является, по требованію обстоятельствъ, совершенно иное, при чемъ ни повышеніе, ни пониженіе замѣтно не выдаются. Съ этою слишкомъ общею, неустойчивою, зависящею отъ случая смѣною повышенія и пониженія, поэзія не имѣетъ ничего общаго. Кромѣ общаго соотвѣтствія между повышеніемъ и пониженіемъ существуетъ иное высшее и болѣе совершенное—то, что мы называемъ созвучіемъ и гармоніею. И это совершеннѣйшее и гармоническое соотвѣтствіе и есть то, чего ищетъ поэзія. Здѣсь впервые возвышеніе является яснымъ, опредѣленнымъ, правильнымъ; и поелику мѣрѣ возвышенія соотвѣтствуетъ мѣра пониженія: то кругъ или смѣна напряженности и ослабленія рѣчи выполняется въ обѣихъ своихъ частяхъ или половинахъ такимъ образомъ, что послѣ первой половины этой смѣны или послѣ высшаго напряженія, рѣчь, успокоиваясь, возвращается, такъ сказать, къ своему началу. Эта смѣна членовъ, объединенныхъ въ одномъ прекрасномъ цѣломъ, составитъ ту художественно прекрасную гармонію, которая характеризуетъ поэтическую рѣчь: и эта однажды совершившаяся смѣна составляетъ еврейскій *стихъ*.

Законы ритма могут подчинить себѣ все, изъ чего слагается стихъ, т. е. какъ мысли, такъ звуки и слова. Но цюеднку мысли всюду занимають первое мѣсто и являются господствующими: то прежде всего образуется въ поэзиі ритмъ мыслей: одна мысль повышается, другая понижается и въ гармоническомъ созвучіи той и другой совершается первое круговое теченіе поэтической рѣчи. Но гармонія рѣчи можетъ идти далѣе, коснуться звуковъ и словъ стиха и такимъ образомъ сдѣлаться вполнѣ ощутимою и во внѣ—или въ римахъ и другой имъ подобной игрѣ звуковъ, или же въ метрическомъ строеніи словъ. Вслѣдствіе этого и виѣшняя сторона стиха можетъ сдѣлаться ритмическою, музыкальною и высшаго совершенства ритмъ стиха достигнетъ въ томъ случаѣ, если съ одинаковою силою и красотою выразится въ обѣихъ составныхъ частяхъ поэтической рѣчи—въ мысляхъ и звукахъ.

Что касается поэзиі еврейской, то она довольствуется лишь ритмомъ мыслей, такъ называемымъ *паралелизмомъ членовъ*, не придавая особеннаго значенія гармоніи звуковъ и словъ *).

Ритмъ мыслей или паралелизмъ членовъ, этотъ основной законъ еврейскаго стиха, вообще состоитъ въ томъ, что мысль, изливающаяся изъ глубины поэтически настроенной души, достигаетъ полнаго своего выраженія не въ одномъ предложеніи, не въ непрерывномъ рядѣ словъ, но распадается на многіе, одинъ другому соотвѣтствующіе, равномѣрные члены, которые относятся между собою такъ, что въ одномъ изъ нихъ рѣчь повышается, въ другомъ, непосредственно за тѣмъ слѣдующемъ, понижается.—Отношеніе параллельныхъ членовъ между собою можетъ состоять,

*) Определенныхъ, правильныхъ метровъ и римовъ мы не находимъ въ древне-еврейской сваящ. поэзиі; они впервые встрѣчаются въ послѣ-каноническихъ произведеніяхъ поэзиі еврейской и заимствованы Евреями у другихъ народовъ. Правда, многіе ученые (напр. Franz. Gomarus, Anton, Eichhorn и др.), исходя изъ того ошибочнаго предположенія, что никакая поэзія не можетъ быть безъ метровъ, дѣлали не мало попытокъ отыскать въ библейской поэзиі определенную метрику; но попытки эти не привели ни къ чему; определенная метрика не была отыскана потому конечно, что древне-еврейская поэзія довольствовалась лишь ритмическими, но не метрическими стихами. Точно также сваящ. еврейскіе поэты не считали необходимымъ и употребленія римовъ; они удовлетворялись паралелизмомъ членовъ—этимъ основнымъ закономъ сваящ. поэзиі и находили вполнѣ достаточнымъ его соблюденіе для формальнаго совершенства своихъ произведеній. Смолр. Keil, Einleit. S. 330.

если взять во вниманіе ихъ содержаніе, или въ сходствѣ и одинаковости мыслей, или въ ихъ противоположности, или наконецъ въ послѣдовательномъ развитіи и соединеніи ихъ; отсюда обыкновенно различаютъ *синонимическій*, *антитематическій* и *синтетическій паралелизмъ членовъ*. Если же взять во вниманіе слова, выражающія собою извѣстную мысль, то члены еврейскаго стиха могутъ образовать или совершенный или несовершенный паралелизмъ. Совершеннымъ паралелизмомъ называютъ тотъ, въ которомъ паралельные члены состоятъ изъ равнаго количества словъ, несовершеннымъ тотъ, въ членахъ котораго число словъ неодинаково. Обыкновенно паралельные члены бывають почти равны по объему; но иногда одинъ изъ членовъ является слишкомъ краткимъ по сравненію съ другимъ, ему предшествующимъ, чѣмъ достигается не только пріятное разнообразіе, но и сильный эффектъ, посліку члены, отличающіеся краткостію, по большей части содержатъ въ себѣ поразительныя, по своей силѣ, мысли (Иов. 11, 4). Вообще же долгота или краткость членовъ въ стихахъ опредѣляются содержаніемъ и характеромъ поэтическаго произведенія и его отдѣльныхъ частей, такъ что члены стиховъ могутъ имѣть различный объемъ, смотря по различію поэтическихъ произведеній. Впрочемъ большинство членовъ имѣетъ отъ 7 до 10 слоговъ, хотя это число доходитъ иногда до 4-хъ и даже 3-хъ, или же до 12 и 15. Члены стиховъ, состоящіе изъ 12 и болѣе слоговъ обыкновенно раздѣляются цезурой на двѣ по большей части неравныя половины. Такіе долги члены съ цезурой мы находимъ въ плачѣ Іереміи и по мѣстамъ въ псалмахъ; напротивъ въ кн. Іова и въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ притчей встрѣчаются преимущественно краткіе и при томъ равномѣрные члены. — Число членовъ, соединенныхъ въ одномъ стихѣ, бываетъ различно. Но посліку ритмъ паралельныхъ членовъ состоитъ въ повышеніи и пониженіи рѣчи, то стихъ требуетъ по крайней мѣрѣ двухъ членовъ, которые должны быть объединены паралелизмомъ, а двучленная форма должна быть разсматриваема, какъ основная форма стиха Еврейскаго. Въ этой формѣ, въ этихъ двухъ взаимно соединенныхъ членахъ паралелизмъ находитъ свое простѣйшее выраженіе.

Состоящій изъ двухъ членовъ стихъ встрѣчается всего болѣе въ произведеніяхъ еврейской поэзіи, онъ преобладаетъ въ кн.

Иова и въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ притчей и притомъ такъ, что стихи изъ большаго количества членовъ встрѣчаются въ нихъ, какъ исключеніе. Двучленные стихи преобладаютъ также въ псалмахъ.

Въ синонимическомъ паралелизмѣ въ обоихъ членахъ одна и та же мысль или просто повторяется, только въ другихъ словахъ, или выражается въ положительной и отрицательной формѣ, напр.

Смертный предъ Богомъ праведенъ ли?
Чистъ ли человекъ предъ Создавшимъ его!
Иов. 4, 17.

Приобрѣтай премудрость, приобрѣтай разуміе.
Не забудь, и не уклоняйся отъ изреченій устъ моихъ.
Притч. 4, 5.

Иногда мысль распадается на двѣ половины и въ этихъ двухъ половинахъ все ея содержаніе выражается или положительно, или и съ положительной и съ отрицательной стороны, напр.:

И наполнены будутъ житницы твои изобиліемъ,
И виноградный сокъ чрезъ края польется подѣ то-
тальные чаны твои.

Притч. 3, 10.
Храни, сынъ мой, заповѣдь отца твоего;
И не оставляй ученія матери своей.
Притч. 4, 20.

Иногда же содержаніе стиха распадается такъ, что одинъ изъ его членовъ выражаетъ данную мысль полнѣе, нежели другой, именно во второмъ членѣ или повторяется только часть перваго, или же мысль перваго точнѣе опредѣляется и развивается, напримѣръ:

Царства земныя, пойте Богу,
Бряцайте Господу.
Пс. 67, 33.

На Тебя уповали отцы наши,
Уповали, и Ты избавлялъ ихъ.
Пс. 21, 5.

Въ антитетическомъ паралелизмѣ второй членъ обыкновенно выражаетъ мысль противоположную мысли перваго. Но иногда положеніе и противоположеніе совмѣщаются въ каждомъ изъ двухъ членовъ стиха, напр.:

Мудрый сынъ радуется отца,
А глупый сынъ горе для матери своей.
Притчи 10, 1.

Они воиютъ; но нѣтъ спасающаго:
Ко Господу, но Онъ не внемлетъ имъ.
Пс. 17, 42.

Очень разнообразенъ паралелизмъ синтетическій; въ немъ второй членъ или продолжаетъ и пополняетъ мысль перваго, или обосновываетъ ее, или же уясняетъ посредствомъ сравненія, наприим.:

Въ Твою руку предаю духъ мой,
Ты избавилъ меня, Господи, Боже истинны,
Пс. 30, 6.

Кто злоеловитъ отца своего и мать свою,
У того погаснетъ свѣтильникъ среди глубокой тьмы.
Притч. 20, 20.

Не удайся отъ меня,
Ибо бѣдствіе близко, а помощника нѣтъ.
Пс. 21, 12.

Какъ лань ищетъ потоковъ водъ,
Такъ душа моя ищетъ Тебя, Боже.
Пс. 41, 2.

Нужно впрочемъ замѣтить, что паралелизмъ членовъ въ еврейской поэзіи не ограничивается двумя членами. Въ поэтическихъ произведеніяхъ Евреевъ встрѣчаются трехчленные, четырехчленные, и даже пяти и шести членные стихи. Много-членные стихи образуются частью чрезъ распространеніе членовъ, частью чрезъ сопоставленіе ихъ.

Мысль стиха можетъ быть раздѣлена на три члена чрезъ распространеніе и дальнѣйшее свое развитіе такимъ образомъ, что члены въ стихѣ являются или синонимическими, или противоположными одинъ другому, или же обосновывающими и поясняющими себя взаимно, напр.:

Невѣжды, докогда будете любить невѣжество?

И развратные, долго ли развратъ будетъ нравиться имъ?

И глухие, долго ли будутъ ненавидѣть вѣдѣніе?

Притч. 1, 22.

И такъ виновенъ ли я, горе мнѣ!

Правъ ли я, не могу вознести главы моей,

Пресыщенный уничиженіемъ и видѣніемъ бѣдности
моей.

Іов. 11, 15.

Да онѣмѣють уста лживыя,

Которыя противъ праведника говорятъ дерзко

Съ гордостью и презрѣніемъ.

Пс. 30, 19.

При этомъ первый членъ можетъ служить введеніемъ для двухъ послѣдующихъ, обнимающимъ собою цѣлую мысль стиха Пс. 1, 1, а также третій можетъ составлять дополненіе двухъ ему предшествующихъ Пс. 7, 7. Нерѣдко также въ трех-членномъ стихѣ два первые члена тѣсно соединяются между собою, такъ что половина мысли выражается въ двухъ параллельныхъ членахъ, которые противоплагаются третьему Пс. 90, 7; Пр. 7, 7; Іов. 10, 1. Пс. 67, 7; Пс. 103, 43, или же два параллельные члена раздѣляются третьимъ вставочнымъ, такъ что соотвѣтствуютъ одинъ другому уже первый и третій Пр. 1, 22.

Далѣе—чрезъ раздѣленіе мысли параллелизмъ достигаетъ и четырехъ членовъ, которые или являются синонимическими, или же дающими дальнѣйшее развитіе мысли, напр.

Нѣтъ въ устахъ ихъ истины;

Внутри ихъ развратъ,

Гортанъ ихъ открытый гробъ,

На языка ихъ ласкательство.

Пс. 5, 10.

Глазъ, который ругается надъ отцемъ

И презираетъ повиновеніе матери,

Выключють его вѣроны на полѣ,

И сожруть его птицы орлиныя.

Притч. 30, 17.

Обыкновенно же четырехъ-членный стихъ образуется чрезъ сопоставленіе или двухъ тѣсно соединенныхъ членовъ съ двумя другими подобными же членами, или чрезъ соединеніе одного отдѣльнаго члена съ тремя другими, связанными между собою, или же наконецъ чрезъ сочетаніе двухъ параллельныхъ членовъ съ двумя отдѣльными членами, не объединенными параллелизмомъ. Наиболѣе художественною формою четырехъ-членного стиха служить тотъ стихъ, въ которомъ сопоставляются два параллельные члена съ двумя другими, также параллельными. Вотъ примѣры:

Ты рукою Твоею изгналъ народы,

А ихъ (Израиля) насадилъ:

Искоренилъ племена.

А ихъ распространилъ,

Пс. 43, 3.

Если Господь не созидаетъ дома:

Напрасно трудятся строящіе его:

Если Господь не стережетъ града:

Напрасно не снить стражъ.

Пс. 126, 1.

Частію чрезъ распространеніе параллелизма, частію чрезъ сопоставленіе двухъ параллельныхъ членовъ съ тремя подобными же членами, частію наконецъ чрезъ соединеніе одного отдѣльнаго члена съ двумя парами членовъ параллельныхъ образуется рѣдко встрѣчающійся пятичленный стихъ; вотъ примѣръ такого стиха:

Кто восходилъ на небо и низходилъ?

Кто собираетъ вѣтеръ въ пригорци свои?

Кто связываетъ воды въ полѣ одежды?

Кто уставлялъ всѣ предѣлы земли?

Какъ ему имя? и какъ имя Сыну Его? знаешь ли ты?

Притч. 30, 4.

Крайній предѣлъ, до котораго простирается параллелизмъ членовъ внутри одного стиха, составляетъ стихъ шестичленный, напр.:

Со мной съ Ливана невѣста!

Со мной иди съ Ливана!

Прямо шествуй съ вершины Амана,
 Съ вершины Шенира и Ермона,
 Отъ львиныхъ логовищъ,
 Отъ барсовыхъ горъ!
 Пѣснь Пѣсн. 4, 8.

Чаще, чѣмъ въ другихъ поэтическихъ частяхъ В. З., шести-членный стихъ встрѣчается въ писаніяхъ пророковъ, въ которыхъ можно найти стихи, состоящіе даже и изъ большого количества членовъ: это потому, что ораторскій ритмъ пророковъ занимаетъ средину между поэтической и прозаической рѣчью, приближается то къ той, то къ другой, а у позднѣйшихъ пророковъ по мѣстамъ и вовсе переходитъ въ прозу.

3) Великое разнообразіе формъ, которыя можетъ принимать стихъ въ еврейской поэзіи, со всею ясностію обнаруживается въ гармоническомъ сочетаніи этихъ формъ въ пѣсняхъ или отдѣльныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, къ формальнымъ особенностямъ которыхъ относится такъ наз. *параллелизмъ стиховъ*, такъ что въ пѣснѣ вполнѣ законченной стихи относятся между собой такимъ же образомъ, какъ и въ стихѣ отдѣльные, входящіе въ составъ его, члены. При внимательномъ разсмотрѣніи формальнаго размѣщенія и раздѣленія мыслей въ пѣсняхъ обнаруживается, что въ нихъ обыкновенно большее или меньшее количество стиховъ объединяется въ одномъ округленномъ цѣломъ или въ *строфѣ* и что строфы въ мѣстахъ образуются, какъ и стихи, по законамъ синонимы, антитеза и синтеза. Принципъ строенія строфъ заключается въ ритмическомъ сочетаніи цѣлыхъ рядовъ мыслей, или группъ стиховъ. Такъ если поэтъ находитъ нужнымъ раскрыть свою идею не въ одномъ непрерывномъ рядѣ мыслей, но въ нѣсколькихъ такихъ рядахъ, одинъ другому подобныхъ и въ нихъ выражаетъ одну и ту же основную мысль, при помощи различныхъ словъ, образовъ и сравненій: то возникаютъ строфы синонимическія; напротивъ, если поэтъ раскрываетъ и уясняетъ свою тему въ отдѣльныхъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ рядахъ мыслей противоположнаго содержанія, съ положительной и отрицательной сторонъ, и съ помощью контраста: то пѣснь его раздѣлится на строфы антитестическія; наконецъ, если онъ раздѣлитъ свою мысль по ея раз-

личнымъ моментамъ, отношеніямъ и основамъ такимъ образомъ, что различные члены стануть одинъ къ другому въ опредѣленное ритмическое отношеніе: то его произведеніе облечется въ синтетическія строфы.

Еврейская поэзія какъ въ строеніи стиховъ, такъ и въ образованіи строфъ даетъ преобладаніе мысли надъ формою и такъ подчиняетъ формальную симметрію содержанію, что только незначительное сравнительно количество пѣсней имѣетъ соразмѣрное строфическое строеніе, большая же ихъ часть довольствуется строфами, сообразующимися съ обыкновеннымъ развитіемъ мысли, вслѣдствіе чего мы встрѣчаемся въ произведеніи еврейской поэзіи съ великимъ разнообразіемъ строфическихъ формъ.—Съ особенною ясностію выступаетъ на видъ параллелизмъ стиховъ въ тѣхъ поэтическихъ произведеніяхъ, въ которыхъ строфы имѣютъ или одинаковое начало, или одинаковое окончаніе. Такъ въ Пс. 61 не только каждая изъ трехъ составляющихъ его строфъ начинается однимъ и тѣмъ же реченіемъ, но первыя двѣ имѣютъ кромѣ того въ началѣ по два одинаковыхъ стиха (ср. ст. 2. 6. 10 и 2 и 3 съ 6 и 7); впрочемъ чаще встрѣчается въ строфахъ одинаковое заключеніе, состоящее изъ полустіхія или изъ стиха, или наконецъ двухъ стиховъ. Но въ послѣднемъ случаѣ второй стихъ всегда выражаетъ вкратцѣ общую мысль строфы и только первый повторяется дословно (ср. Пс. 106 ст. 8 и 9. 15 и 16. 21 и 22. 31 и 32). Впрочемъ многія произведенія еврейской поэзіи имѣютъ совершенно правильно построенныя строфы, неотличающіяся одна отъ другой подобными внѣшними знаками. Количество стиховъ въ строфахъ бываетъ различно, подобно тому какъ и количество членовъ въ стихахъ. Такъ въ поэтическихъ произведеніяхъ Евреевъ мы находимъ строфы, состоящія изъ двухъ, трехъ и т. д. стиховъ, до семи включительно. Примѣромъ строфическаго строенія можетъ служить между прочимъ 8, 12 — 31 кн. Притчей, гдѣ въ четырехъ строфахъ, состоящихъ каждая изъ пяти стиховъ, Ипостасная Премудрость изображаетъ свою сущность и свое отношеніе къ Отцу. Здѣсь предъ нами совершенно правильно построенныя строфы; подобныхъ правильныхъ строфъ не мало находится въ псалмахъ. Но вообще, какъ мы уже сказали, такими строфами не изобилуютъ

произведенія еврейской поэзи, такъ какъ Еврейскіе поэты придавали внѣшней формѣ второстепенное значеніе и потому нерѣдко въ одномъ и томъ же произведеніи совмѣщали строфы различнаго объема и съ различнымъ количествомъ стиховъ, а иногда и вовсе не заботились о строфическомъ строеніи, обходясь безъ ритмическаго соединенія стиховъ.

4) Кромѣ стиховъ и строфъ, мы встрѣчаемъ въ Еврейской поэзи и болѣе искусственное построеніе, при которомъ форма беретъ какъ бы перевѣсъ надъ содержаніемъ. Это такъ назыв. акростихи, или алфавитныя пѣсни, въ которыхъ стихи, а иногда и члены стиховъ начинаются извѣстною буквою еврейскаго алфавита и располагаются примѣнительно къ этому послѣднему, такъ что объемъ пѣсни обуславливается здѣсь количествомъ буквъ алфавита. Алфавитное строеніе не можетъ быть названо, въ примѣненіи къ еврейской поэзи, результатомъ выродившагося и извращеннаго вкуса, поелику еврейскіе поэты пользовались имъ не съ тѣмъ, чтобы скудость поэтическаго содержанія восполнить внѣшнею искусственною формою, но съ тѣмъ лишь, чтобы извѣстное содержаніе подвести подъ внѣшнюю опредѣленную схему; при томъ же къ этой схемѣ они обращались въ тѣхъ случаяхъ, когда находили нужнымъ свою основную тему выразить посредствомъ цѣлаго ряда отдѣльных изреченій, слѣдовательно въ такихъ случаяхъ, когда схема эта представлялась удобнѣйшею. И потому-то распредѣленіе содержанія по алфавиту мы находимъ только въ учительныхъ, состоящихъ изъ отдѣльных сентенцій, псалмахъ, въ притчахъ (31) и въ плачѣ Іереміи, такимъ образомъ лишь въ произведеніяхъ, содержаніе которыхъ или вовсе не могло, или же только при помощи натяжекъ могло быть раскрыто путемъ послѣдовательнаго логическаго развитія мыслей и облечено въ форму закругленныхъ и органически расчлененныхъ строфъ. Форма акростиха нашла приложеніе еще во времена Давида: она усвоена нѣкоторымъ изъ его псалмовъ. Затѣмъ форма эта съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе работывалась и совершенствовалась и наконецъ въ плачѣ Іереміи и въ позднѣйшихъ псалмахъ достигла высшей степени выработанности и искусственности *).

*) Простѣйшая форма акростиха есть та, въ которой каждой буквѣ алфавита соответствуетъ или одинъ, или два стиха. Эта форма встрѣчается

IV.

Если Еврейская поэзія по своему существу есть поэзія священная и если она возникла на почвѣ религіи откровенной, то понятно, что ея различные роды не могутъ быть подведены подъ общеупотребительную; заимствованную у Грековъ схему энической, лирической и драматической поэзіи.—Послику религія Евреевъ въ своемъ содержаніи была опредѣлена Божественнымъ откровеніемъ, такъ что никто не могъ къ богооткровеннымъ словамъ или прибавить чего-либо, или отнять отъ нихъ: то этимъ самымъ поэтическому одушевленію полагались уже границы, которыя невозможно было преступить при поэтическомъ раскрытіи священныхъ предметовъ. Свящ. поэзія поэтому могла искать и находить свой матеріалъ лишь въ сферѣ божественнаго откровенія и его практическаго примѣненія къ жизни какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего теократическаго общества. Но такъ какъ поэтъ погружался въ созерцаніе содержанія лишь богооткровенныхъ словъ и дѣлъ: то естественно для него только и возможно было—съ одной стороны выражать впечатлѣнія, произведенныя на его духъ этимъ содержаніемъ, въ лирической формѣ религіозныхъ ощущеній, и съ другой пользоваться этимъ же содержаніемъ для назиданія другихъ, для просвѣтленія и развитія религіознаго сознанія и для приложенія нравственныхъ предписаній закона къ разнообразнымъ отношеніямъ и положеніямъ жизни, вслѣдствіе

въ древнѣйшихъ лирическихъ произведеніяхъ; такъ каждой буквѣ алфавита соответствуетъ одинъ стихъ въ Пес. 24, 23, 144 и Притч. 31, 10—31,—два стиха въ Пес. 9, 10, 36. Болѣе искусственною эта форма является въ 4 гл. Плача, гдѣ извѣстною буквою алфавита хотя начинается и одинъ только стихъ, состоящій изъ двухъ членовъ, но каждый изъ этихъ членовъ при помощи цезуры раздѣленъ на двѣ половинны; за тѣмъ—въ 1 и 2 гл. того же Плача, въ которыхъ каждый алфавитный стихъ состоитъ уже изъ трехъ членовъ, также, при помощи цезуры, распадающахся на двѣ, въ большинствѣ случаевъ, неравныя части. Еще большей искусственности достигается форма акростиха въ 3 гл. Плача, гдѣ каждый членъ трехчленнаго стиха начинается одною и тою же буквою. Наконецъ высшую степень искусственности, до которой только достигаетъ акростихъ въ еврейской поэзіи, мы находимъ въ пс. 110, 110 и 118; въ первыхъ двухъ пс. буквѣ алфавита соответствуетъ каждое полустихіе, а въ послѣднемъ одною буквою начинается восемь стиховъ подрядъ. См. Kiel, Einleit. S. 329.

чего и могли возникнуть лишь два рода поэзии — лирическая и дидактическая. И действительно въ сознаниі самихъ Евреевъ всё ихъ поэтическія произведенія распадалось на двѣ категоріи или рода и каждому изъ нихъ они присвоили особыя наименованія — *schir* и *maschal* — наименованія, которыя именно соответствуютъ тому, что называемъ мы лирикой и дидактикой. Что же касается эпоса и драмы, то въ свещенной поэзиі Евреевъ мы ихъ не встрѣчаемъ:

1) Лирическая поэзиі Евреевъ очень обширна и разнообразна: она дѣлаетъ своимъ предметомъ каждую мысль, каждое ощущеніе, какъ бы они ни были скоропреходящи и мимолетны; она выражается и въ самыхъ краткихъ изреченіяхъ и въ очень значительныхъ по объему побѣдныхъ и хвалебныхъ пѣснопѣніяхъ. Поэзиі Евреевъ тѣсно была связана со всею жизнью народа во все періоды ея существованія; въ ней сказывались самыя дорогія мысли, самыя сокровенныя движенія духа; она служила выраженіемъ чувствъ и стремленій, волновавшихъ сердца какъ великихъ мужей Израиля, такъ и всего израильскаго народа, или правильнѣе лучшей ея части. Лирическія произведенія вполнѣ открываютъ намъ то, какимъ образомъ вѣрные рабы Іеговы среди всевозможныхъ тревоженій міра и во все времяна умѣли направлять къ высшему благу свои сокровеннѣйшія мысли и стремленія и такимъ образомъ въ дни бѣды и скорбей сохранять ясное спокойствіе и крѣпость духа.

Особенности евр. лирики выражаются по преимуществу въ формѣ. — Всякое одушевленное настроеніе, облекаясь въ слово, придаетъ рѣчи поэтическій отбѣнокъ. Такъ всякая пророческая рѣчь есть болѣе или менѣе поэтическая и особенно она становится такою тогда, когда въ минуты необычайнаго вдохновенія пророки оставляютъ рѣчь обыкновенную, прозаическую и свои вдохновенныя слова облекаютъ въ болѣе свободныя и возвышенныя формы; въ такихъ случаяхъ пророческая рѣчь достигаетъ въ полномъ смыслѣ лирической живости и красоты. Но пророческія проникнутыя лиризмомъ рѣчи не могутъ быть еще названы лирическими пѣснопѣніями въ собственномъ смыслѣ. Лирическая пѣснь Евреевъ была пѣснью мелодическою: обладая вполнѣ опредѣленнымъ и прекраснымъ ритмомъ, она могла быть и пропѣта и положена на музыку. Это открывается изъ нѣкоторыхъ

наименованій, которыя были усвоены Евреями лирическимъ пѣснопѣніямъ, таковы—*schir* и *mismor*. Первое означаетъ вообще пѣснь, которую слѣдуетъ пропѣть, которая предназначена для пѣнія; второе, по словоупотребленію книги Псалмовъ, означаетъ хвалебную пѣснь во славу Бога, которую слѣдуетъ пропѣть, но пропѣть, сопровождая пѣніе музыкальными звуками, игрою на струнномъ музыкальномъ инструментѣ.

Велѣдствіе своего разнообразнаго содержанія произведенія лирической поэзіи Евреевъ раздѣляются на многіе виды; наименованія нѣкоторыхъ изъ этихъ видовъ мы встрѣчаемъ въ священныхъ поэтическихъ книгахъ, и особенно въ книгѣ Псалмовъ. Вотъ важнѣйшіе изъ нихъ.

а) *Thehillah* гимны; это наименованіе однажды только встрѣчается въ книгѣ Псалмовъ, хотя очень значительная по объему и важнѣйшая по содержанію часть всѣхъ в.-з. пѣснопѣній принадлежитъ къ этому виду. — Такъ если пѣсни слагались подъ вліяніемъ чувствъ радости и благодарности, послѣ побѣды или освобожденія, если затѣмъ пѣсни эти предназначались для торжественнаго пѣнія въ общественныхъ собраніяхъ, въ храмѣ во время праздниковъ и послѣ священныхъ обѣтовъ, то естественно что они должны были слагаться съ особымъ искусствомъ и такимъ образомъ образовать совершеннѣйшій родъ священной лирики—гимны. И дѣйствительно, къ этому совершеннѣйшему роду принадлежатъ прежде всего тѣ величественныя гимны, которые слагались подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ событій, каковы напримѣръ пѣснь Моисея по переходѣ чрезъ Черное море, пѣснь Деворы, и которые несомнѣнно были пѣты при торжественныхъ шествіяхъ съ музыкою и танцами, съ участіемъ при томъ всего народа; а также пѣсни, меньшія по объему, которыя пѣлись при менѣе торжественныхъ случаяхъ отдѣльными лицами изъ народа, во время напримѣръ принесенія благодарственныхъ жертвъ при евятилицѣ. — Сюда могутъ быть также отнесены краткія побѣдныя пѣсни (Пс. 45; 47); многія пѣсни храма, псалмы надписанные словомъ: «аллилуія», псаломъ 28, въ которомъ превозносятся Іегова по поводу величественнаго явленія природы, и др.

б) *Kinah*, плачь, печальная пѣснь, начинающаяся какимъ-либо жадобнымъ восклицаніемъ, какъ напр «увы, увы», «о горе» и

под. — Представленіе о безсмертіи, состоящемъ въ сохраненіи памяти о умершемъ или погибшемъ между прочимъ въ скорбныхъ пѣснопѣніяхъ, было всего ближе древнимъ народамъ; и потому возникновеніе и распространеніе у этихъ народовъ скорбныхъ пѣснопѣній было вполнѣ естественно. Не подлежитъ сомнѣнію, что чѣмъ-либо прославившіеся герои и любимцы еврейскаго народа нерѣдко удостоивались послѣ смерти тѣхъ прекрасныхъ элегій, образцомъ которыхъ можетъ служить элегія, составленная Давидомъ на смерть Іонафана 2 Ц. 1, 17—28; а что такіа элегія, прославлявшія героя, становились, по волѣ поэта, общимъ достояніемъ, видно изъ замѣтки, помѣщенной 2 Ц. 1, 16. Въ скорбныхъ пѣснопѣніяхъ оплакивались Евреями и бѣдствія, постигавшія ихъ отечество, а также раззореніе и оскверненіе святаго города. И эти-то скорбныя пѣсни, которыя пѣлись поверженными въ горе мужчинами и женщинами, обыкновенно назывались плачевными пѣснями, плачемъ (Іер. 7, 29; 9, 9). Всѣ возможные скорбныя чувства и жалобы, разбѣяныя въ пѣсняхъ послѣдняго рода, были наконецъ выражены въ одной книгѣ плача пр. Іереміею послѣ паденія Іерусалима.

в) *Schigason* — встрѣчается только однажды въ надписаніи 7 псалма, какъ наименованіе этого псалма, и затѣмъ еще однажды во множ. числѣ для обозначенія уже цѣлаго отдѣльнаго рода пѣснопѣній Авв. 31. Довольно трудно вполнѣ уяснить себѣ значеніе слова *Schigason*; но несомнѣнно, что первоначально оно не имѣло общаго значенія, хотя LXX и перевели его словомъ *ψαλμος*; напротивъ оно должно бы означать пѣснь особеннаго рода. И послѣку корень *Schagah* означаетъ замѣшательство, смущеніе, то подъ словомъ *Schigason* можно разумѣть пѣснь, составленную въ минуты величайшаго душевнаго смущенія и волненія, или дифирамбъ. По крайней мѣрѣ такому разумѣнію сл. *Schigason* вполнѣ соотвѣтствуютъ свойства пѣснопѣній, надписанныхъ этимъ словомъ; именно, нельзя не замѣтить, что начальныя стихи 7-го пс. и пѣсни пр. Аввакума составлены подъ вліяніемъ сильнаго аффекта, какъ бы подъ вліяніемъ ужаса; видно что чувства свящ. поэтовъ были крайне взволнованы и напряжены. Но въ концѣ пѣснопѣній, благодаря воздѣйствію истинъ религіи, аффектъ исчезаетъ и взволнованный духъ поэтовъ быстро успокоивается.

г) Въ нѣкоторыхъ лирическихъ пѣснопѣньяхъ Евреевъ выражаются отрывочныя ощущенія, излагаются разнородныя мысли, всецѣло въ данный моментъ овладѣвавшія духомъ поэта. Пѣснопѣнья эти состоятъ изъ краткихъ проникнутыхъ лиризмомъ изреченій и краткихъ описаній иногда фактовъ внутренняго опыта, иногда же какихъ-либо внѣшнихъ явленій, подѣйствовавшихъ на поэта красотой и величіемъ. Пс. 18, 2—7; 23, 1—6; 35; 130; 132. Въ подобныхъ пѣснопѣньяхъ по мѣстамъ встрѣчаются и наставленія, но высказанныя по большей части ненамѣренно. Всего же чаще пѣснопѣнья эти проникаются иронією, такъ какъ высказывая извѣстныя истины по поводу суетныхъ мірскихъ стремленій и уклоненій въ жизни нравственной отъ прямаго пути, поэтъ касался и этихъ безотрадныхъ явленій и бичевалъ ихъ, проникаясь невольно горькимъ ироническимъ чувствомъ. Примѣромъ подобныхъ исполненныхъ горькой ироніи пѣснопѣній могутъ служить псалмы 13, 37, 81. Горькая иронія примѣшивается и къ плачевнымъ пѣснямъ о гибели нечестивыхъ, пострадавшихъ по своей собственной винѣ, напр. Пс. 14, 4 и дал.—Когда среди Евреевъ развились гномическая поэзія, то истины, составлявшія обыкновенно предметъ этого рода поэзіи, облекались иногда поэтами въ минуты лирическаго одушевленія въ лирическую форму. Поелику всѣ эти пѣснопѣнья, хотя и не всегда намѣренно, переходившія въ увѣщаніе и наставленіе, были сходны, по своему дѣйствию и содержанію, съ произведеніями поэзіи гномической: то ихъ и называли именами, которыя прилагались обыкновенно къ названнымъ произведеніямъ, именно: *maschal* изреченіе, *chidah* загадка Пс. 48, 3; 77, 2, *mlizah* насмѣшка, иронія Авв. 2, 6. Что пѣснопѣнья эти сопровождались музыкою, видно изъ Пс. 48, 3.

д) *Thephillah* молитва — названіе нѣкоторыхъ лирическихъ пѣсней, встрѣчающееся въ надписаніяхъ Пс. 16, 83, 89, 101, 141, Авв. 3. Впрочемъ въ Пс. 107, Авв. 3. это названіе скорѣе обозначаетъ общее направленіе рѣчи поэта, нежели какой-либо особый родъ [свѣщ. лирики, въ другихъ же надписаніяхъ скорѣе указываетъ на то, какое употребленіе могло быть сдѣлано изъ этихъ пѣсней. И дѣйствительно всѣ лирическія пѣснопѣнія возвышеннаго содержанія, какъ заключающія въ себѣ выраженіе сокровеннѣйшихъ и наилучшихъ мыслей и чувствъ поэта, были

въ большинствѣ случаевъ подобны молитвамъ, особенно если они были результатомъ всегдашняго стремленія теократическаго общества къ высшему благу. И потому то все собраніе Давидовыхъ пѣснопѣній ихъ собиратель назвалъ молитвами Давида Пс., 71, 20. Къ категоріи *schir* могутъ быть отнесены пѣсни, встрѣчающіяся въ книгахъ историческихъ и пророческихъ, затѣмъ всѣ псалмы, за исключеніемъ псалмовъ назидательнаго содержанія, Пѣснь Пѣсней и Плачь Іереміи.

2) Поэзія дидактическая всего болѣе, послѣ лирики, могла процвѣтать и дѣйствительно процвѣтала между Евреями. Ибо безчисленное множество высшихъ религіозныхъ истинъ и положеній, которымъ владѣло древне-еврейское общество и которое оно полагало въ основу своей жизни, находило наилучшее выраженіе для себя въ поэтическихъ формахъ дидактики. Поэзія дидактическая доступнѣе чѣмъ другой какой-либо родъ поэзіи цѣлому народу; она старается быть понятною для всѣхъ, особенно для людей молодыхъ и неопытныхъ, ея главная забота—дать руководство для всевозможныхъ случаевъ жизни нравственной, и потому она заключаетъ въ себѣ неопѣненное сокровище ученія и въ своемъ разнообразіи проникаетъ даже въ низшія сферы жизни.

Отличительная черта всей вообще еврейской поэзіи—отрывочность или сентенціозность всего болѣе обнаруживается въ дидактическихъ произведеніяхъ Евреевъ. Правда, еврейскій поэтъ-дидактикъ не довольствуется, въ видахъ назиданія, изложеніемъ одной какой-либо истины; при тѣсной связи истинъ, служившихъ для него матеріаломъ, онъ обращаетъ вниманіе на всѣ болѣе или менѣе однородныя истины и старается исчерпать ихъ; но въ то же время онъ не даетъ себѣ труда изложить ихъ въ системѣ, облечь въ строго философскую форму. Истины, входящія въ составъ его произведенія, связаны лишь механически между собою; каждая изъ нихъ имѣетъ самостоятельное значеніе и сама собою исчерпывается; органической же связи между ними не существуетъ и мысль послѣдующая не выводится логическимъ путемъ изъ предыдущей.

Общее наименованіе, которымъ Евреи обозначили произведенія дидактической поэзіи, есть *maschal*. Слово это означаетъ собственно сравненіе, подобіе; если же мы прибавимъ къ этому то, что изъ сопоставленія духа разпородныхъ, по видимому, вещей, взятыхъ напр. изъ міра видимаго, окружающаго насъ, и затѣмъ изъ міра нравственнаго, можно легко вывести назидательную истину, если далѣе мы припомнимъ, что востокъ и доселѣ склоненъ облекать назиданія въ форму сравненій и подобій, то мы придемъ къ заключенію, что слово *maschal* употреблявшееся первоначально въ смыслѣ сравненія, подобія, съ теченіемъ времени получило значеніе болѣе общее и было приложено ко всѣмъ поэтическимъ произведеніямъ, имѣвшимъ цѣлю назиданіе. Во всякомъ случаѣ подъ этимъ словомъ, въ его приложеніи въ еврейской дидактической поэзіи, разумѣются слѣдующіе виды еврейской дидактики: а) Басня; два примѣра басни, необлеченной впрочемъ въ поэтическую форму, мы находимъ въ Суд. 9, 7 и дал., 4 Цар. 14, 9 и дал. б) Притча, 2 Ц. 12, 1 и дал. Исавъ 5, 1 и дал.; къ ней можно присоединить аллегорію, которая Езек. 17, 2: 24, 3 прямо названа *maschal*. в) Остроумное изреченіе, нравственное изреченіе и пословица — три вида, между которыми Евреи не полагали строгаго различія и потому въ кн. Притчей они, подъ общимъ именемъ *meschlim* (Пр 10, 1; 25, 1), перемѣшаны между собою. Въ большинствѣ случаевъ всѣ эти три вида облечены въ форму сравненій, которая въ двухъ параллельныхъ членахъ кратко выражаетъ какое-либо правило житейской мудрости, или нравст. мысль. г) Загадка, которая всегда основывается на сравненіи. Такъ какъ она заключаетъ въ себѣ какъ-бы вопросъ требующій разрѣшенія, то она называется *shidakh* Суд. 14, 12 и дал. 3 Ц. 10, 1. Точно также собранныя въ 30 гл. Прит. загадки, хотя и отличныя отъ заключающихся въ кн. Суд. и 3 Ц., содержатъ въ себѣ и сравненія и вопросы; но здѣсь за вопросомъ слѣдуетъ и отвѣтъ или разрѣшеніе, влѣдствіи чего загадки получаютъ характеръ остроумныхъ сентенцій. д) Сатира (Ис. 14, 4; Ав. 3, 2), содержащая въ себѣ исполненное горечи осмѣяніе чего-либо дурнаго и порочнаго. Авв. 3. 2 она называется *mtizah* — иронія, насмѣшка. е) Дидактическая поэзія въ собственномъ смыслѣ. Сюда прежде всего должны быть от-

несены многіе псалмы, которые заключаютъ въ себѣ не столько лирическое изліяніе чувствъ, сколько разсужденіе о религіозныхъ и нравственныхъ предметахъ, о дѣйствіяхъ Промысла, о проявленіяхъ правды Божественной и о историческихъ событіяхъ. Затѣмъ сюда же слѣдуетъ причислить 1-ю часть кн. Притчей (1—9) и наконецъ книги Іова и Еклезіаста. Первая изъ этихъ книгъ, будучи, по своимъ историческимъ элементамъ и ихъ раскрытію, эпосомъ, по своей формѣ—диалогомъ, по своимъ поэтическимъ достоинствамъ — наилучшимъ произведеніемъ еврейской лирики, по своимъ цѣлямъ есть произведеніе дидактическое, поставившее своею задачею развить и уяснить весьма важную и трудно разрѣшимую проблему при помощи историческаго примѣра, основательно раскрытаго. Что касается второй книги, то она можетъ быть названа дидактическимъ произведеніемъ вслѣдствіе встрѣчающихся въ ней краткихъ учительныхъ изреченій, поставленныхъ на ряду съ размышленіями философскаго характера. Наконецъ и пророческое слово, прямо направленное къ назиданію, называется также *maschal*.

3) Что касается отсутствія у Евреевъ эпоса и драмы, то для образованія перваго, т. е. эпоса, Евреямъ недоставало не только представленій героическихъ временъ о связи между божествомъ и человѣчествомъ и богатой, вполне выработанной и способной къ развитію мифологіи, но и вообще недоставало свободнаго отношенія къ религіи, которое бы давало просторъ фантазіи поэта и которое такъ необходимо при эпическомъ изображеніи дѣйствій божества, принимающаго участіе въ историческихъ судьбахъ человѣчества. Первобытное время исторіи Израиля было обильно великими дѣлами Божества, но совершенно бѣдно замѣчательными дѣяніями земныхъ героев; ибо все великое и славное, совершенное въ теократіи, было совершено мышцею крѣпкою и десницею высокою Іеговы; люди же, посредствомъ которыхъ Іегова осуществлялъ свои совѣты, стояли при этомъ на заднемъ планѣ, какъ рабы Іеговы и его послушныя орудія. Притомъ всѣ дѣла Бога въ Израилѣ направлялись къ одной великой цѣли, которая такъ ясно и опредѣленно была раскрыта посредствомъ откровеннаго слова, что поэтическая фантазія не могла взять на себя смѣлости приступить къ дальнѣйшему уясненію

этой цѣли, и тѣмъ болѣе къ измысленію какихъ-либо другихъ цѣлей для всего совершающагося силою Божества. Ибо въ исторіи Израиля божественныя слова и дѣла были неразрывно связаны между собою: за дѣломъ слѣдовало поясняющее его слово, слово было подкрѣпляемо дѣломъ, духъ же истины обнаруживающійся въ этихъ словахъ и дѣлахъ выводилъ, такъ сказать, ихъ за предѣлы зноса, прежде всего опирающагося на законы прекраснаго и имъ руководствующагося. Такъ напр. ни для кого изъ Евреевъ не могло быть вопросомъ, при помощи чьей силы и мудрости Израиль чудесно освобожденъ изъ Египта и введенъ въ землю обѣтованную, или же съ какой цѣлію все это совершилось; поелику и то и другое Богъ открылъ избранному народу чрезъ раба своего Моисей. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что отношенія Израиля къ откровенію, къ божественному слову были однажды и навсегда опредѣлены со всею строгостію. Правда каждый израильтянинъ обязанъ былъ день и ночь углубляться мыслию въ законъ, но не съ тѣмъ чтобы фантазировать, такъ сказать, о существѣ Бога, о его отношеніи къ міру вообще и въ частности къ Израилю, а съ тѣмъ чтобы поступать по закону Іеговы и выполнять его заповѣди. И потому-то если поэты, какъ Асафъ (77) и составитель 104 и 105 пс., избирали предметомъ своихъ пѣснопѣній первобытную исторію своего народа, то они дѣлали это исключительно съ назидательными цѣлями, а не съ цѣлями эпическими, которыя не могли быть совмѣщены съ историческою истинною и высокимъ нравственнымъ достоинствомъ богооткровенныхъ дѣлъ.

Точно также и для образованія драмы у Евреевъ не доставало необходимыхъ условій. Впрочемъ Эвальдъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими учеными усиливается найти въ поэтическихъ произведеніяхъ Евреевъ если не вполне выработанную драму, то по крайней мѣрѣ зачатки драматическаго искусства, поелику онъ думаетъ, что кн. Пѣнь Пѣней была предназначена для сцены, хотя и несовершенной, а на кн. Іова смотреть какъ на художественное драматическое произведеніе, составленное съ цѣлію наглядно уяснить извѣстную возвышенную истину, чрезъ изображеніе ея раскрытія въ жизни дѣйствительной. Поэтому Эвальдъ считаетъ ту и другую книгу образцами

различныхъ родовъ драматической поэзи и кн. Пѣсь Пѣсей, содержаніе которой взято будто-бы изъ обыденной жизни, сравнивается съ комедіею, кн.-же Іова, отличающуюся возвышенностію содержанія, съ трагедіей. Но взгляды на кн. Пѣсь Пѣсей, какъ на комедію, основывается на совершенно превратномъ пониманіи содержанія этой книги, на мнѣніи, будто она изображаетъ лишь любовныя отношенія молодыхъ людей; сравненіе же книги Іова съ трагедіей простирается изъ смѣшенія діалога съ драмой. Вообще же взгляды Эвальда, будто Евреи имѣли если и не вполне выработанную драму, то во всякомъ случаѣ ея зачатки, имѣть въ своей основѣ поверхностное и неоправдываемое исторіею представленіе о происхожденіи и сущности драматической поэзи, именно, что возникновеніе ея обусловливается прихотью и произволомъ людей и что она состоитъ въ искусствѣ подражать другимъ въ голосѣ, тѣлодвиженіяхъ и дѣйствіяхъ. Въ опроверженіе такого представленія О. Мюллеръ замѣчаетъ слѣдующее: «если бы для драмы достаточно было охоты къ подражанію и расположенія скрывать дѣйствительную личность подъ маскою другаго лица: то мы также бы часто встрѣчали драму въ литературахъ народовъ, какъ часто встрѣчаются названныя свойства между людьми. Но мы находимъ драму у одного только народа древности, отъ котораго ее заимствовали и прочіе народы, именно у Грековъ, а у нихъ драма возникла, благодаря праздникамъ въ честь Вакха и тому необыкновенному одушевленію, которымъ всегда сопровождался вакханаліи. Но Евреи не имѣли натуральныхъ боговъ, подобно Грекамъ, и вакхическихкихъ торжествъ, вообще не имѣли такихъ народныхъ праздниковъ, при которыхъ возможно бы было возникновеніе драматическаго искусства и которые бы благоприятствовали его развитію. Правда, праздники Евреевъ, ихъ священныя собранія и жертвенныя пирушества при національной святынѣ были радостными торжествами: но радость, сопровождавшая ихъ, была священною радостію предъ лицомъ Господа; она исключала всякую миміку и драматическое дѣйствіе, всякую комедію и трагедію. Вообще если истинность и святость ветхозавѣтной религіи не благоприят-

ествовали развитію эпоса у Евреевъ, то тѣмъ менѣе могли благопріятствовать они возникновенію драмы *).

Н. Е.

*) Въ своемъ отзывѣ о сочиненіи Эвальда „Поэтическія книги В. З.“ нѣкто Ed. R. на вопросъ: „имѣли ли драму Евреи?“ отвѣчаетъ: мы говоримъ: нѣтъ — на основаніяхъ психологическихъ, такъ какъ тѣ духовныя особенности, которыя препятствовали семитамъ образовать эпосъ, тѣмъ болѣе не благопріятствовали развитію драмы, поелику въ драмѣ поэтъ не только долженъ забыть самого себя и свои собственныя ощущенія и раскрыть избранную тему въ спокойномъ объективномъ разсказѣ, но непремѣнно войти, такъ сказать, въ иную, отличную отъ него индивидуальную жизнь, стать другимъ лицомъ, замѣнить свои существенныя свойства другими, чуждыми ему, что конечно возможно лишь подъ условіемъ изученія этого чуждаго ему и отъ него отличнаго. Мы говоримъ нѣтъ — на основаніяхъ историческихъ, поелику никогда и никакой народъ не создавалъ драмы прежде эпоса, а напротивъ многіе народы ограничивались однимъ эпосомъ и никогда не достигали до созданія драмы. Мы говоримъ нѣтъ — на основаніяхъ литературныхъ, поелику въ случаѣ признанія кн. Іова драмой, мы должны признать драматургами Платона и Цицерона (за ихъ діалоги), и поелику несмотря на суровые отзывы Эвальда о своихъ противникахъ мы признаемъ его пониманіе кн. Псалъ Псалей естественнымъ, натянутымъ. См. Hävernick, Einleit. Bd. 3, s. 80—81.

Для развитія драматическаго искусства, замѣчаетъ Кейль, Евреямъ недоставало необходимыхъ условій, именно преобладанія эстетическаго художественнаго интереса, преобладанія обыкновеннаго, такъ называемаго свѣтскаго образа мыслей и способности углубляться въ естественныя индивидуальныя свойства людей; этимъ условіямъ не благопріятствовалъ исключительно духовный принципъ ветхозавѣтнаго откровенія. Потому-то хотя нѣкоторыя лирическія произведенія Евреевъ и рѣчи ихъ пророковъ и отличаются въ нѣкоторой степени драматическимъ характеромъ, такъ какъ живыя изображенія состояній, отношеній и духовныхъ созерцаній почти независимо отъ воли поэта принимаютъ въ изложеніи оттѣнки драматизма: тѣмъ ее менѣе подобная живость изложенія существенно отличается отъ того, что мы называемъ драмою и между всеми ветхозавѣтными поэтическими произведеніями мы не найдемъ ни одного такого, въ которомъ вмѣстѣ съ діалогомъ была бы изображена дѣятельность извѣстныхъ лицъ въ ея развитіи, не найдемъ драмы, въ которой бы на ряду съ рѣчами было представлено дѣйствіе, пополняющее эти рѣчи. Keil, Einleit. s. 321—322.